

САМЫЙ СКАЧИВАЕМЫЙ РОМАН ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ
AMAZON.COM!

18+

Красивый.
Сексуальный.
Популярный.
Лживый.

Сломленный РЫЦАРЬ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

Л.ДЖ. ШЭН

Л. Дж. Шэн
Сломленный рыцарь
Серия «Freedom. Интернет-
бестселлеры Л. Дж. Шэн», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58904779
Сломленный рыцарь / Л. Дж. Шэн: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-112639-1

Аннотация

Луна Милая. Заботливая. Милосердная. Тихая. Фальшивая. Под кроткой внешностью скрывается девочка-пацанка, которую обожают все вокруг. Луна всегда знает, о чем и о ком она мечтает. О соседском мальчишке, еще в детстве ставшем ее лучшим другом. Который научил ее смеяться. Жить. Любить. *Найт* Красивый. Сексуальный. Популярный. Лживый. Этот безбашенный спортсмен способен покорить любую девушку одним взглядом. Но его внимания достойна лишь одна – Луна, еще в детстве укравшая его сердце. Но она уже не та, кем была раньше. Ей больше не нужна его защита. Когда жизнь делает крутой поворот, золотому мальчику приходится осознать, что не все рыцари – герои. Иногда величайшие любовные истории обращаются трагедией.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	74
Глава 4	103
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Л. Дж. Шэн

Сломленный рыцарь

L. J. Shen

Broken knight

Copyright © 2019 by L. J. Shen

© Силаева Ж. А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

© Artemisia1508 / Shutterstock.com

Посвящается Бетти и Ванессе В.,
двум талантливым девушкам,
которых я обожаю,
а также всем Лунам на свете.

В мире огромное количество романов о любви со счастливым концом. Но под обложкой нашей книги разорванные страницы, пропущенные главы и горький финал.

Луна Рескот

Сладкая.

Заботливая.

Милосердная.

Тихая.

Фальшивая.

Под кроткой внешностью скрывается девочка-пацанка, которую обожают все вокруг. Луна всегда знает, о чем и о ком она мечтает. О соседском мальчишке, еще в детстве ставшим ее лучшим другом.

который научил ее смеяться.

Жить.

Любить.

Найт Коул

Красивый.

Сексуальный.

Популярный.

Лживый.

Этот безбашенный спортсмен способен покорить любую девушку одним взглядом. Но его внимания достойна лишь одна – Луна, еще в детстве укравшая его сердце.

Но она уже не та, кем была раньше. Ей больше не нужна его защита.

Когда жизнь делает крутой поворот, золотому мальчику приходится осознать, что не все рыцари – герои.

Иногда величайшие любовные истории обращаются трагедией.

«Тот, кого я любила, однажды дал мне коробку, полную тьмы. Понадобились годы, чтобы я поняла – это

тоже был подарок»

Мэри Оливер

Основная песня:

«Dream On» – Aerosmith

Плейлист:

«Enjoy the Silence» – Depeche Mode

«Just My Type» – The Vamps

«Who Do You Love?» – The Chainsmokers feat. Five

Seconds of

Summer

«I Wanna Be Adored» – The Stone Roses

«Beautiful» – Bazzi feat. Camilla Cabello

«Fix You» – Coldplay

«I Will Follow You into the Dark» – Death Cab for Cutie

«The Drugs Don't Work» – The Verve

«I Predict a Riot» – Kaiser Chiefs

Глава 1

Найту 9; Луне 10

Найт

Я врезал кулаком по стволу дубового дерева, ощущая знакомую боль от свежего пореза, когда кожа на костяшках лопнула.

Самоповреждение помогает мне лучше дышать. Я не знал, что все это означает, но это заставляло маму плакать, когда она закрывалась в ванной и думала, что никто не слышит. Каждый раз, когда она замечала мои израненные руки, у нее начиналась истерика. Также это стоило мне еженедельной поездки до парня в костюме, который расспрашивал меня о моих чувствах.

Наушники ограждали меня от пения птиц, сверчков и хруста сухих листьев под ногами. Мир – говно. Хватит с меня слушать его. «Break Stuff» Limp Bizkit – мой официальный гимн плохих времен. Фред Дерст, может, и похож на мошонку в кепке, но в чем-то он прав.

Бум.

Бум.

Бум.

Большинство детей любят бить друг друга. Но не я. Я хочу вредить только себе. Я не чувствую боли в сердце, когда ощущаю ее в теле. Простая математика и довольно хорошая сделка.

Шишка упала мне на голову. Я прищурился. Моя тупая соседка Луна сидит на тонкой ветке рядом с домиком на дереве, подбрасывая в руках еще одну шишку и размахивая худыми ногами.

– За что? – Я вытаскиваю один наушник.

Она кивает головой, предлагая сесть рядом с ней. Я не двигаюсь. Она машет рукой.

– Не-а. – Я пытаюсь собрать побольше слюны, чтобы сплюнуть.

Она приподняла бровь – ее способ спросить, что случилось. Луна – надоедливая, но только со мной. Хреново.

– Вон украл мой велосипед, – заявил я.

Я бы выбил все дерьмо из моего так называемого лучшего друга Вона, если бы был уверен, что не убью его случайно. Он сказал, что хочет вывести меня из себя. «*Выйди из своей зоны*». Что бы это ни значило. Что еще за зона? Да что он знает обо мне? О злости? Его жизнь идеальна. Его родители здоровы. У него даже нет надоедливого младшего брата, такого как Лев.

Луна бросила вторую шишку. Но в этот раз я ее поймал, замахнувшись рукой, как настоящий игрок в бейсбол, и бросил в нее, но специально промахнулся.

– Я сказал *нет*.

Она достала третью шишку (они хранятся в шалаше на случай, если на нас нападут, чего, если честно, ни разу не случилось) и устроила настоящее шоу, бросая ее в меня.

В конечном счете я сорвался:

– Ты такая тупая.

Она моргнула.

– Прекрати на меня так смотреть!

Еще раз моргнула.

– Черт возьми, Луна!

Меня не волнует, что там говорил Вон. Я никогда не *хотел* целовать эту девчонку. Помоги мне боже, если она попросит меня об этом.

Я забрался на качели из колеса, а с них – в шалаш. Вон считает, что он слишком крут для шалашей. Хорошо. Это еще одна наша с Луной вещь, которая его не касается.

Луна спрыгнула с ветки, прокатилась по земле, подпрыгнув, как ниндзя, и с довольной улыбкой стряхнула с себя пыль. А потом она побежала прямо на улицу. Быстро.

– Ты куда? – закричал я, будто она бы ответила.

Я наблюдал за уменьшающимся пятнышком ее спины. Мне всегда грустно, когда она уходит.

Это все было так тупо. Я не знал никого, кто мог бы уговорить Вона хоть что-то делать. А Луна в принципе не *разговаривала*. Плюс я не нуждался в ее помощи. Я ушел от Вона потому что, если бы остался, он получил бы то, чего так

добивался – грязную драку. Я не такой, как он. Постоянно злить родителей – не цель всей моей жизни.

Немного позже Луна вернулась на моем велосипеде. Я встал, прикрывая глаза от сияющего солнца. Оно всегда слепит сильнее, когда океан готов проглотить его.

Она помахала мне, приглашая спуститься.

Я бросил шишку ей в плечо и крикнул:

– Рексрот.

Что – она вскинула брови. Она могла бы рассказать о тысячи вещей одними лишь бровями. Иногда мне хочется сбрить их, чтобы просто позлить ее.

– Я всегда мщу. Помнишь об этом, крутышка?

Крутышка, она закатила глаза.

– Сейчас же поднимайся.

Она указала на мой велосипед и топнула ногой.

– Да оставь ты этот тупой велик.

Мы забрались в шалаш. Вместо того, чтобы поблагодарить ее, что я должен был сделать, я достал страницы, которые распечатал ранее, и положил на деревянный пол между нами. Наши лбы соприкоснулись теплой кожей, когда мы посмотрели вниз. Я учил ее сквернословить на языке жестов – этому ее не научат врачи или отец.

– Чтобы сказать «член», просто сложи пальцы в форме буквы «d» и дотронься до носа, – я изобразил то, что было на картинке, а затем перевернул лист. – Ох, смотри, если ты хочешь сказать «пошел на хер», то просто покажи средний

палец и подуей. Удобно.

Я не смотрел на нее, но ощущал лоб, прижатый к моему. Луна хоть и девчонка, но она реально классная. Единственный минус – иногда она задает слишком много вопросов своим взглядом. Мама говорит, что это из-за того, что Луна заботится обо мне. Не то чтобы я собирался признавать это, но я тоже заботился о ней.

Она дотронулась до моего плеча. Я достал другую стра-
ницу.

– Помашаи открытой ладонью перед подбородком – вперед и назад – это означает «шлюха». Блин, твой отец убьет меня, если узнает, что я тебя научил всему этому.

Она сильнее толкнула меня в плечо, оцарапав кожу ногтями.

Я поднял взгляд:

– Что?

– *Все нормально?* – показала она.

Она не очень часто пользовалась языком жестов. Луна не хотела разговаривать. Ни языком жестов, ни простым языком. Она *может* разговаривать. Теоретически, я имею в виду. Не то чтобы я когда-нибудь слышал. Но так говорят родители – дело не в ее голосе. Все дело в окружающем мире.

Я принимал это. Я тоже ненавижу мир.

Просто мы ненавидим его по-разному.

Я вздохнул:

– Конечно.

– *Друзья не позволяют друзьям грустить из-за мелочей*, – показала она.

Вау. Целое предложение. Это что-то новое.

Я не понимал, зачем она разговаривала на языке жестов, если не собиралась разговаривать *вообще*, но я не хотел заставлять ее чувствовать себя плохо.

– Да меня не волнует велосипед. – Я отложил страницы и прыгнул с ветки. Она последовала за мной и села позади. Я не очень люблю ездить на велосипеде. Это жестоко по отношению к яичкам и утомительно по отношению ко всему телу. Я катался на нем для того, чтобы проводить больше времени с Луной. По той же причине я рисовал. Я *ненавижу* рисовать.

Она склонила голову набок – вопрос.

– Мама снова в больнице. – Я поднял шишку и бросил ее в сторону солнца, заходящего за гору, на которой стояло наше дерево. Мне было все равно, долетела ли шишка до океана, влажно на улице или холодно. Ненавидит ли она меня.

– Я в норме, – вздохнул я, поднимая другую шишку. – Все в норме.

– *Я ненавижу это слово* – норма. – Показала Луна. – *Это не хорошо. И не плохо. Это ничего.*

Она опустила голову вниз и взяла меня за руку, сжав ее. Касание было теплым и сильным. Немного грубым. Несколько недель назад Вон сказал мне, что хочет поцеловать Кару Хантинг. А я никогда даже не думал о том, чтобы просто вот

так касаться девчонки.

Луна положила мою руку себе на сердце.

Я закатил глаза, смутившись.

– Я знаю, что ты здесь ради меня.

Она покачала головой и еще сильнее сжала мою руку. Сила ее взгляда немного напугала меня.

– *Всегда. В любое время. Навсегда,* – показала она.

Я глубоко вздохнул от ее слов. Я захотел бросить велосипед в тупое лицо Вона и убежать. А потом умереть. Я хотел умереть где-то в безлюдных песках, превратиться в пыль, позволить ветру унести меня куда-нибудь.

Я хотел умереть вместо мамы. Я абсолютно бесполезный. А ведь так много человек зависит от ма.

Папа.

Лев.

Я.

Я.

Луна указала на солнце перед нами.

– Закат? – вздохнул я.

Она нахмурилась.

– Пляж?

Она покачала головой, закатывая глаза.

– *Солнце опять встанет завтра,* – показала она.

Она наклонилась. На какой-то момент мне показалось, что она собирается спрыгнуть. Но она сняла булавку с клетчатых кроссовок и проткнула кончик указательного пальца.

Без слов она взяла мою руку и тоже уколола палец. А затем соединила их вместе, а я уставился на кровь, наблюдая, как она смешивается.

На ее губах появилась улыбка. Зубы неровные. Немного заостренные. И совсем не идеальные.

Нашей кровью она написала *«Или вместе, или никак»* на тыльной стороне моей ладони, не обращая внимания на костяшки.

Я вспомнил о велосипеде, который она вернула мне, и усмехнулся.

Она притянула меня в свои объятия. Я утонул в ее руках. Я не хотел целовать ее.

Я хотел взрезать свою кожу и затолкать Луну в себя. Спрятать ее от всего мира и сохранить.

* * *

Найт – 12; Луна – 13

Луна

Меня называли в честь луны.

Папа говорил, что я была совершенно круглой. Я была светом, рожденным во тьме. Ребенком, которого так не хотела моя мама, и он не знал, что с этим делать. Папа гово-

рил, что вопреки всему – а может, именно *из-за того, что* – я самое красивое и очаровательное создание, которое он когда-либо видел.

«Мое сердце разбилось не потому, что ему было грустно, а потому, что оно переполнилось любовью к тебе. В нем больше не осталось места», – однажды он сказал мне.

Он говорил много всего, чтобы я чувствовала себя любимой. Конечно, у него всегда были лучшие намерения.

Моя мама бросила нас еще до того, как мне исполнилось два.

На протяжении многих лет она стучалась в дверь моих воспоминаний, когда я меньше всего ее ожидала, – пробираясь через ворота с багажом воспоминаний и фотографий, которые я никогда не должна была видеть.

Ее смех, который я никак не могла вызвать, как ни старалась, прокатывался по моей коже языками пламени.

Хуже всего то, что я знала, что она жива. Она жила где-то под тем же небом, дышала тем же воздухом. Возможно, где-то в Бразилии – на ее родине. Но это не имело никакого значения, ведь она была не со мной. И однажды она вернулась, ей очень нужны были деньги.

Мне было пять, когда все случилось – когда-то тогда папа встретил Эди, мою мачеху. Вал, моя мама, попросила о совместной опеке и алиментах такого размера, что можно было бы отстроить новую маленькую страну. Когда она поняла, что я не собираюсь делать ее богатой, она снова меня бро-

сила.

Тогда у меня была привычка пробираться тайком на кухню по ночам, там у папы и Эди всегда происходил какой-нибудь важный разговор. Они ни разу не заметили меня. Я в совершенстве овладела искусством становиться невидимкой, когда Вал перестала видиться со мной.

– Я не хочу, чтобы она околачивалась рядом с моим ребенком, – кричал отец.

– Я тоже, – ответила Эди.

Мое сердце растаяло и превратилось в теплую жижу.

– Но если она вернется, то нам придется смириться.

– Что если она ранит ее?

– А что если она *излечит* ее?

Опыт научил меня, что время хорошо делает две вещи: лечит и убивает. Я ждала вариант, в котором оно должно лечить, каждый божий день. Я стояла на коленях на кружевной подушке около подоконника под открытым окном, моля ветер о том, чтобы он стер все воспоминания о ней.

Я не могла ненавидеть Валенсиану Васкесе, женщину, которая собирала вещи напротив моей детской кроватки, пока я плакала, умоляла, *визжала*, чтобы она не уходила, но она все равно ушла.

Я помню эту сцену до жути хорошо. Говорят, что нельзя вспомнить ничего до двух лет, но у меня фотографическая память, IQ 155 и мозг, который пытались сотнями тестов, чтобы выяснить, насколько он хорош или плох. Я помню все.

Все плохое.

Все хорошее.

И все посредине.

Так что воспоминания все еще свежи в голове. Решимость в ее темных, раскосых глазах. Холодный пот на моих пухлых ладонках. Как я ломала голову в поисках нужных слов, и когда я их нашла, то закричала так громко, насколько смогла.

– Мамочка! Пожалуйста! Нет!

Она замерла на мгновение у двери, костяшки побелели от того, как она сжимала дверной косяк; шанса на то, что она передумает и вернется, чтобы забрать меня, не было. Я помню, что даже не моргала, боясь, что она исчезнет, как только я закрою глаза.

Затем, на долю секунды, материнский инстинкт взял верх, и она повернулась лицом ко мне.

Ее лицо перекосило, рот приоткрылся, она облизнула алые губы. Она даже почти решилась что-то сказать, но, в конце концов, просто покачала головой и ушла. Радио наигрывало тихую музыку. Вал всегда слушала радио, чтобы заглушить мой плач. Родители не жили вместе, но заботились обо мне по очереди. После того как Вал не ответила на кучу звонков отца, он приехал через несколько часов и нашел меня в кровати. Подгузник был настолько грязным, что перевешивал мое тоненькое тельце.

Я не плакала. Уже.

Не плакала, когда он взял меня на руки.

Не плакала, когда он отвез меня в больницу, чтобы проверить.

Не плакала, когда он укачивал меня, целовал и крутился около меня.

Не плакала, когда горячие слезы катились по его щекам, а он пытался заставить меня воспроизвести хоть звук.

Совсем.

С тех пор я стала ребенком с тем, что они называют селективным мутизмом. То есть я могу разговаривать, но *выбираю* не делать этого. Это, конечно, очень тупо, ведь я *не хотела* быть другой. Но я просто *была*. Мой выбор в пользу молчания был скорее не выбором, а фобией. Мне поставили диагноз – социофобия, и я посещала специальную терапию дважды в неделю с самого детства. Обычно люди с селективным мутизмом разговаривают в некоторых ситуациях, когда им комфортно. Но не я.

Безымянная мелодия на радио, звучавшая в тот день, выжжена в моей памяти, словно шрам. И вот теперь она снова появилась на радио и атаковала меня.

Я сидела в машине с Эди, моей мачехой. Дождь барабанил по окнам ее белого «Порше Кайен». Ведущий на радио объявил «Enjoy the Silence» – Depeche Mode. Вот ирония¹. Во рту пересохло – в том же рту, который отказывается произ-

¹ Название песни «Enjoy the Silence» группы Depeche Mode переводится как «Наслаждайся тишиной». «Слова жестоки, / Они разрушают тишину, / Внезапно врываясь / В мой маленький мир. / Они причиняют мне боль, / Пронизывают меня насквозь. / Неужели ты не понимаешь, / О, моя маленькая девочка».

нести хоть слово непонятно по какой причине, разве что из-за того, что слов недостаточно для моей мамы. *Меня недостаточно.*

Пока играла музыка, я мечтала выбраться из собственной кожи и испариться. Вырваться из машины. Сбежать из Калифорнии. Оставить Эди, папу и Рэйсера, моего маленького брата, – просто уехать куда-нибудь. *Куда – нибудь.* Куда-нибудь, где люди не будут тыкать в меня пальцами и жалеть. Туда, где я не буду уродцем из цирка.

«Блин, прошло уже лет десять. Не должна она была уже, ну, это, пережить?»

«Может, это и не из-за мамы. Вы видели ее отца? Расхаживает с молоденькой любовницей...»

«Она всегда была странной девочкой. Милой, но странной».

Я хочу искупаться в одиночестве, захлебнуться осознанием того, что моя мама посмотрела и решила, что ей меня недостаточно. Утонуть в скорби. Остаться одной.

Как только я выключила радио, Эди надулась:

– Но это моя любимая песня!

Конечно. Конечно.

Хлопнув ладонью по стеклу, я жалко захныкала. И содрогнулась от незнакомого звука собственного голоса. Эди, сидевшая за рулем, пристально посмотрела на меня, ее рот искривился в слабой улыбке, которая всегда выглядела как распростертые объятия.

– Твой папа вырос на *Depeche Mode*. Это одна из его любимых групп, – объяснила она, пытаясь предупредить мой нервный срыв. Который уже случился.

Я сильнее стукнула по окну, и рюкзак упал на ноги. Песня вскапывала мое тело, ползла по венам. Я хочу уйти. Мне *надо* уйти отсюда. Мы повернули за угол особняка в средиземноморском стиле, но недостаточно быстро. Я не могу не слышать песню. Не могу не видеть Валенсиану оставляющей меня. Не чувствовать огромную дыру в сердце, которую моя биологическая мать расширяла с каждым ударом по моей памяти.

Эди выключила радио в тот же момент, когда я открыла дверь, выскакивая на ходу из машины. Поскользнувшись на луже, я пошла в сторону дома.

Ворота гаража медленно открывались, пока гром терзал небо, взывая к дождю. Я слышала крики Эди сквозь открытое окно машины, но их заглушала гроза. Дождь промочил мои носки, делая ступни тяжелыми, ноги горели из-за быстрого бега, я схватила велосипед из гаража и поехала по улице. Эди припарковалась и побежала за мной, зовя меня по имени.

Я крутила педали все быстрее, уезжая от этой тупиковой ситуации... проносясь мимо особняка Фоллоуилов... дома Спенсеров, который отбрасывал на дорогу тень своим массивным телом. Мой любимый дом Коулов зажат между нашим особняком и Фоллоуилов.

– Луна! – Голос Найта Коула раздался позади меня.
Неудивительно.

Окна наших спален были напротив, и мы всегда держали шторы открытыми. Когда меня не было в комнате, Найт всегда искал меня. И наоборот.

Мне было намного тяжелее игнорировать Найта, чем ма-чеху, и не потому что я не любила Эди. Любила. Я люблю ее настолько сильно, настолько может себе это позволить приемный ребенок – голодной, всепоглощающей любовью, даже больше, с благодарностью и восхищением.

Я бы не сказала, что Найт был мне как брат, но он был не меньше, чем членом семьи. Он накладывал повязки на мои разбитые коленки, отгонял хулиганов, которые меня обижали, хотя некоторые были раза в два больше него. Он оказывал мне поддержку еще до того, как я сама понимала, что нуждаюсь в ней.

Единственное, что мне не нравилось в Найте, так это то, что он держал в заложниках кусочек моего сердца. Поэтому мне всегда было интересно, где он. Его благополучие было крепко связано с моим. Когда я катилась по склону к черным воротам, окружающим наш район, то подумала, а не чувствует ли он невидимую нить, не преследует ли меня лишь потому, что я тяну за нее. Потому что нам больно, когда один из нас отдаляется.

– Эй! Эй! Эй! – кричал Найт позади меня.

Эди поймала его. Слышно было, как они спорят.

– Я успокою ее.

– Но, Найт...

– Я знаю, что ей надо.

– Нет, милый. Ты всего лишь ребенок.

– А вы всего лишь взрослая. А сейчас уйдите!

Найт не боялся вступать в конфликты со взрослыми. Я всегда следовала правилам. Пока я не собиралась произносить слова, я делала все по инструкции – начиная с того, что была круглой отличницей, заканчивая помощью незнакомцам. Я собирала мусор на улицах, даже если он был не моим, жертвовала часть подарков на Рождество тем, кто действительно в них нуждался.

Но мои мотивы не были такими чистыми. Я всегда ощущала себя недостаточно хорошей, поэтому старалась стать чем-то большим. Дарья Фоллоуил, соседка моего возраста, звала меня святой Луной.

Она не ошиблась. Я играла роль святой, так как Вал заставила меня чувствовать себя грешницей.

Я быстрее закрутила педали. Дождь жестко хлестал, превращаясь в град, мою кожу покалывало от ледящей ярости. Прежде чем проскочить в ворота, я прищурилась.

Все произошло очень быстро: желтый свет ударил мне в лицо. Горячий металл задел ногу, когда машина попыталась повернуть в другую сторону. Раздался оглушительный гудок.

Я почувствовала, как что-то рвануло меня за воротник твидовой крутки с такой силой, что я чуть не задохнулась, и,

прежде чем я поняла, что произошло, упала в лужу.

В тот же момент до моих ушей донесся скрежет велосипеда. Он разлетелся на куски от удара мчавшегося навстречу автомобиля. Сиденье пронеслось в нескольких сантиметрах от моей головы, а рама полетела в другую сторону. Я ударила лицом об асфальт. Пыль, влажная грязь и кровь заполнили рот. Я кашляла, каталась по земле и пиналась в попытках скинуть с себя Найта, который сидел сверху, сжимая мою талию ногами. Машина доехала до конца дороги и резко развернулась, промчавшись мимо ворот. Град был настолько сильным, что я не могла даже разглядеть очертания машины, не говоря уже о номерах.

– Ублюдок! – заорал Найт вслед машине с такой яростью, что даже мои легкие обожгло. – Катись в ад!

Я моргнула, пытаюсь расшифровать выражение лица Найта. Никогда не видела его таким – настоящая буря в буре. Хоть он и был на год младше меня, выглядел гораздо старше. Особенно сейчас. Он нахмурился, розовые пухлые губы были слегка приоткрыты, угольно-черные ресницы были настолько густыми, что служили занавесом от дождя. Капля скатилась по его нижней губе и исчезла в ямочке на подбородке. От этой простой картины мое сердце разрывалось.

Это был первый раз, когда я осознала, что мой лучший друг... эм, красивый.

Глупо, знаю, особенно принимая во внимание обстоятельства. Он спас мне жизнь, закрыв собой, чтобы меня не сби-

ла машина, но все, о чем я могла думать, было не Вал, не Эди, не Dereche Mode, даже не то, как хрупка наша жизнь, а то, что мальчик, с которым я выросла, теперь был подростком. Привлекательным подростком. Привлекательным подростком, которому следовало бы заниматься вещами поинтереснее спасения странной подруги детства или обучения ее слову «ублюдок» на языке жестов.

Я подумала о воспоминаниях, которые Валенсиана оставила в моем сердце, но это было ничем по сравнению с той жесткой болью, которую я испытывала, глядя на Найта, понимая впервые в жизни, что он определенно точно разобьет мне сердце. Не умышленно, не специально. Но это не имеет значения. Авария или удар молнией – смерть всегда остается смертью.

Разбитое сердце – это разбитое сердце.

Боль есть боль.

– Что за херь? – заорал он мне в лицо.

Он был так близко ко мне, что я ощутила его дыхание. Сахар, какао и мальчишеский запах. *Мужской*. У меня еще есть немного времени до того, как все случится. От шока я даже не вздрогнула от его злости. Как я могла раньше не замечать прекрасный профиль его носа? Цвет его глаз – ярко-зеленый с вкраплениями темно-синего и таким оттенком бирюзового, который я никогда раньше не видела. Царственные скулы, настолько острые, что очерчивают озорное лицо, как картинку поп-арта золотая рама за тысячу долларов.

– Отвечай мне, черт возьми. – Он стукнул по асфальту около моего лица.

Костяшки на руках распухли до размеров теннисных мячей. Недавно он начал ругаться совсем по-взрослому. Немного, но достаточно, чтобы заставляя меня вздрагивать. Я твердо посмотрела на него, зная, что он меня не обидит. Он обхватил рукой раненый кулак и взвыл, а затем прислонил свой лоб к моему, тяжело дыша. Мы задохались, грудь поднималась и опускалась в одном ритме.

– Почему? – Теперь его голос был тихим и мягким. Он знал, что не дожидается ответа. Наши головы соприкасались, его медно-коричневые волосы смешались с моими темными кудрями. – Почему ты это делаешь?

Я попыталась вытащить руки из-под его бедер, чтобы ответить на языке жестов, но он еще крепче сжал меня ногами, удерживая на месте.

– Нет, – зарычал он, в голосе появилась угроза. – Используй слова. Ты можешь. Я знаю. Мама и папа говорили мне. Расскажи, зачем ты это делаешь.

Я открыла рот, так сильно желая ответить на его вопрос. Он был прав, конечно. Я могла говорить. Я знала это, потому что иногда в душе, или, когда я была абсолютно одна, я любила повторять слова в качестве практики. Просто чтобы доказать, что я могу, что я способна издавать звуки, что я просто *выбрала* не разговаривать. Я повторяла слова, и от звука голоса волна удовольствия прокатывалась по спине.

Старые книги.

Свежий воздух (особенно после дождя).

Наблюдать за луной, которая наблюдает за мной.

Морской конек.

Папа.

Эди.

Рэйсер.

Найт.

Сейчас, впервые за все время, Найт требовал от меня слов. Я хотела сказать ему. Больше всего на свете. Я знаю, что он заслужил услышать их. Но у меня не получилось. Рот так и остался открытым, и только одна вещь билась в голове: *«Ты не просто кажешься тупой, ты еще и выглядишь так же».*

– Скажи это. – Найт потряс меня за плечи.

Ливень превратился в легкий дождь, и зрение стало четче. Его глаза были покрасневшими и уставшими. Очень уставшими. Уставшими из-за меня. Потому что я вечно попадаю в тупые передрыги, из которых он меня вытаскивает.

Он решил, что я хотела специально причинить себе боль. Нет. Я открывала и закрывала рот словно рыба, но слова не выходили. Я попыталась вытащить их из моего рта, сердце бешено колотилось, ударяясь о ребра.

– Аааа... Я... Эммм...

Он встал и начал ходить туда-обратно, запуская пальцы во влажные волосы.

– Ты такая... – Он покачал головой, стряхивая капли воды с волос. – Такая...

Я подскочила и побежала к нему. Я не хотела слышать окончание предложения. Мне не интересно было знать, что он там подумал обо мне. Потому что если он поверил, что я специально бросилась к машине, то он еще хуже меня.

Я схватила его за плечи и развернула. Он нахмурился.

Я отчаянно покачала головой.

– *Я не видела машину. Клянусь,* – показала я.

– Ты могла погибнуть, – заорал он мне в лицо и стукнул кулаком в грудь. – Ты могла оставить меня.

– *Но этого не случилось.* – Я использую пальцы, руки, ладони, чтобы переубедить его.

Мои губы дрожат. Все это намного больше, чем просто о нас. Это и о Розе – его маме. Найт не любил, когда люди исчезали. Даже всего на несколько дней, чтобы пройти курс лечения в больнице.

– *Спасибо,* – показала я. – *Ты спас меня.*

– Помнишь? *Всегда. В любое время. Навсегда.* Что случилось? Где твое выполнение условий сделки?

Он повторил мое обещание, которое я дала ему несколько лет назад, в голосе звучало презрение. Я раскрыла руки для объятия, и он подошел, расслабившись в моих руках. Мы словно два разных цвета, смешанные друг с другом во что-то уникальное и настоящее – оттенок, которым можем быть раскрашены только мы.

Найт зарылся лицом в волосы, а я зажмурилась, представляя, как он делает то же самое с кем-то еще. Несмотря на прохладу, моя кровь вскипела.

Мой.

Я не просто подумала об этом. Мои губы повторили это слово. Я даже практически услышала его. И еще крепче обняла его.

– Или вместе, или никак, – прошептал он мне на ухо.

Я знала, что это было обещанием.

Я также понимала, насколько оно было несправедливым, потому что я не смогу спасти его, если мне придется.

Если кому-то вроде Найта в принципе нужно мое спасение. Найт нормальный ребенок. Он разговаривает. Он спортивный, общительный и уверенный в себе. Эди говорила, что он очень привлекательный, модельные агентства останавливали Розу в торговых центрах и пихали свои визитки, умоляя позволить нанять его. Он смешной, очаровательный, воспитанный и такой богатый, что вы даже представить себе этого не можете. Весь мир готов принадлежать ему, и, я уверена, однажды так и будет.

Я заплакала в его руках. Хотя и не плакса. Я могу пересчитать на пальцах одной руки все разы, когда я плакала. Судя по всему, я выплакала все тогда, когда ушла Вал. Но сейчас просто не могла остановиться из-за того, что у нас никогда не будет этого «и жили они долго и счастливо».

Он заслуживал большего, а не девушку, которая никогда

не сможет рассказать ему, что чувствует.

Он идеальный, а я сплошной недостаток.

– Пообещай мне. – Его губы коснулись меня, теплое дыхание послало дрожь по всему телу.

Другую дрожь – ту, которая заполнила все внизу живота лавой. *Пообещать что?* Я удивилась. Но все равно согласна кивнула, желая успокоить его, хотя он еще не закончил предложение. Мои губы шевельнулись.

– *Я обещаю. Обещаю. Обещаю.*

Может, поэтому он никогда и не доверял мне.

В течение следующих шести лет он забирался в мою комнату *каждую* ночь и обнимал меня, проверяя, что со мной все хорошо.

Иногда он пах алкоголем.

Иногда другой девушкой. Сладко, фруктово и по-другому.

Чаще всего он пах как мое разбитое сердце.

Но всегда убеждался, что я в безопасности.

И он всегда уходил до того, как мой папа приходил будить меня.

В течение последующих шести лет, прежде чем покинуть меня через окно комнаты, он целовал меня в лоб как раз туда, куда целовал папа, чтобы пожелать доброго утра. Тепло от поцелуя Найта сохранялось долго.

Я виделась с ним в школе, наблюдала его дерзкую самоуверенность и слушала остроумные шутки, заставляющие

девушек снимать трусики. Видела, как он проводил рукой по блестящим волосам и демонстрировал белоснежную улыбку и ямочки на щеках.

Всегда было два Найта Коула.

Один был моим.

А другой – всех остальных.

И хотя он всегда проводил со мной свободное время, защищая меня, всегда относился ко мне как к королеве, я знала, что он для всех король, а я просто правила маленьким кусочком его жизни.

Однажды ночью, в полную луну, заглядывающую через окно, *мой* Найт Коул поцеловал меня в чувствительное местечко за ухом.

– *Лунный свет*, – прошептал он. – Ты заполняешь пустоту и темноту, как луна владеет небом. Она тихая. Она яркая. Ей не нужно пылать, чтобы быть заметной. Она просто существует. Она сияет всегда.

Он называл меня лунным светом каждый день.

Я никак его не звала. Потому что не разговаривала.

Может быть, он и тогда знал, что я лгала из-за бездействия. Он не был никем. Он был моим всем.

Глава 2

Найту 18; Луне 19

Найт

– Ее здесь нет. Можешь застегивать ширинку, Коул. – Хантер Фицпатрик зевнул, бросив красный фирменный стаканчик в чью-то голову.

Придурок отвернулся, прервав разговор с второкурсницей из группы поддержки, приготовившись к конфликту. Но как только он увидел, что это был Хантер, то сразу же сердито прикусил губу.

– Фу. У тебя что, запор? – зарычал Хантер тем самым очень-смешным-и-серьезным тоном.

Выпив последнюю, пятую бутылку пива за ночь, я отвел взгляд от входной двери и засунул пустую тару в задний карман джинсов какой-то девушки. Она обернулась и засмеялась, когда узнала меня.

Я зажег сигарету, наблюдая за тем, как тлеет янтарь у меня под носом. Я передал ее Вону, выдыхая густые клубы дыма и плюхаясь обратно на мягкий диван.

– Отсоси, – сказал я Хантеру охрипшим от дыма голосом.
– Дашь совет? Ты в этом профи, – передразнивает он, вор-

ча что-то о здоровье и опрокидывая шот с чем-то насыщенно-голубым.

– Позволь я позвоню твоей матери и спрошу, – съязвил я.

– Она слишком занята по вечерам пятницы, позвони лучше сестре Хантера. – У Вона, *все еще* называющегося моим лучшим другом, орлиный профиль и такой низкий голос, что кажется, будто черный, насыщенный дым течет в уши. – Кстати, Найт не пялится на дверь.

Так и есть. Но я был навеселе, немного пьян и застигнут врасплох. Так что ничего такого в безобидном флирте нет.

– Конечно, конечно, – сказал Хантер со своим бостонским акцентом.

Я шлепнул его по затылку, приводя в беспорядок зачесанные светло-пшеничные волосы.

В моей непоколебимой добродушной улыбке на миллион долларов и имидже подонка была одна-единственная трещина. Ее можно заметить только под определенным углом. Только одним. И только когда Луна Рексрот входит в помещение и наши взгляды встречаются – если быть еще точнее, в первую половину секунды, до того как я успеваю снова нацепить обычную самодовольную улыбку.

Во всех других ситуациях – по крайней мере, если вы не знаете об этом – вы никогда не запугаете меня, даже если очень постараетесь. А учитывая то, что я нерушимая легенда среди смертных внутри стен Школы Всех Святых, очень много людей пытались это сделать. И часто.

И почему я думал, что она будет здесь, – это за пределами логики. Дерьмо, которое я курил, было явно сильнее, чем коктейли из отбеливателя и антидепрессанты. Луна не частый посетитель вечеринок. У нее совсем нет друзей, кроме Вона и меня, и то, она тусовалась с нами, только когда мы были одни, без нашего гарема фанаток и антуража в качестве безмозглых придурков.

Может, я думал, что она придет из-за того, что лето неумолимо подходит к концу. Мой восемнадцатый день рождения пришел и ушел, а Луна все еще ничего не надумала насчет колледжа.

Ее папа рассказал моему, что он пытался убедить ее поступить в Аппалачский государственный университет в Северной Каролине. В нем учатся одаренные студенты с легкими расстройствами. Она идеальная кандидатура для них. Также ее приняли в Колумбию, в Беркли и в Калифорнийский университет. Лично я нахожу немного обидным то, что она может подумывать уехать из Тодос-Сантоса. В Сан-Диего есть несколько хороших учебных заведений недалеко от нас, она должна подойти им. К счастью, я слишком хорошо знаю Луну, она никогда не покинет дом, так что, все это не имеет значения.

– У меня настроение что-нибудь сотворить. – Хантер хлопнул меня по бедру, вероятно, почувствовав, что я слишком сильно увяз в собственных мыслях. Он наклонился к столику, чтобы схватить пиво, и локтем ударил Вона. – Ты

в деле?

Вон так уставился на него, будто ответ был очевиден. Со своими ледяными, бледными глазами и иссиня-черными волосами он выглядел так, будто только вернулся со съемок фильма «Сумерки» – это заставляло девушек падать в обморок. Вон в совершенстве владел искусством одним лишь взглядом заставить вас чувствовать себя глупо за то, что вы задали ему простой вопрос, как сейчас это сделал Хантер.

Фицпатрик переключился на меня:

– Коул? – Он поднял брови вверх.

– Цеплять цыпочек – это моя главная работа.

Во всяком случае, это было моим официальным заявлением. Кроме того, Луна Рексрот не сдерживала меня, ведь она френдзонила меня так сильно, что даже мои ночные поллюции были чисто платоническими.

Хантер, как ирландский принц – слишком роскошный, чтобы играть в футбол на одном уровне со мной, и совершенно обделен талантом, чтобы стать художником, как Вон, – сложил два пальца и издал свист, перекрывший музыку. Ребята вокруг нас чокались пивом и пытались подавить довольные улыбки. Они знали, что когда мы хотим повеселиться, то и они получают свою часть отрыва.

– Дамы, выстраивайтесь к комнате развлечений. И будьте аккуратнее. Не лезьте без очереди. Давай, давай. Если вы милы, смелы и готовы, то мы с радостью рассмотрим вашу кандидатуру. Но знайте одно – мы не позвоним вам завтра

утром, не будем добавлять вас в соцсетях и не признаем ваше существование в коридорах школы. Но вы всегда останетесь в наших воспоминаниях, как гепатит Б.

Кучка молоденьких и девушек постарше парами сновали по лестницам особняка Вона, шепчась и хихикая. Вон устраивал вечеринки каждые выходные, пока его родители были в замке в Вирджинии, вероятно, частенько вспоминая свое исчадие ада. Девочки выстроились в ряд перед комнатой развлечений, словно шипы на фоне серых стен. Очередь началась у основания винтовой лестницы и змеей поднималась к тяжелым, черным дверям.

Вон, Хантер и я молча прошли мимо них с зажженными сигаретами в зубах. На мне белые рваные байкерские джинсы Valmain и потертая белая футболка с надписью «Я трахал твою подругу, и мне не понравилось», которая стоила целое состояние, в сочетании с винтажными кроссовками Gucci и шапочкой, которая точно сделана из меха какого-нибудь единорога. На Воне был костюм художника, грязнее, чем одежда проститутки из страны третьего мира, проститутки в поисках приключений. А на Хантере – настоящий костюм, благослови Великий Гэтсби его всратые вкусы.

Наши имена среди гудящих, стонущих и перешептывающихся девушек раздавались как молитва, отражающаяся от пульсирующих стен.

«A Song for the Dead» группы Queen вибрацией отдавалась в желудке, пока мы скользили по коридору в особняке

Вона, здание было выполнено в готическом стиле, с высокими потолками и огромными портретами членов его семьи. На самом деле это было даже страшнее, чем в романах Стивена Кинга; хмурое лицо Вона пялится на тебя в натуральном размере с каждой стены.

Позвольте признать, ублюдок сделал бы Grim Reaper² в соревнованиях по угрожающему взгляду. Он выглядел очень по-мертвому на этих картинах.

Слишком бледным. Слишком жестоким. Слишком *Вонном*.

Поскольку девушки не могли явно предлагать нам себя, не испортив драгоценной репутации – я всегда ненавидел двойные стандарты, где все парни игроки, а девушки шлюхи, – они просто делали вид, что разговаривают друг с другом, потягивая напитки.

Мы остановились и начали изучать очередь. Остальные члены футбольной команды и игроки в поло стояли позади нас наготове, как послушные песики, кем они и являлись.

Я капитан футбольной команды Школы Всех Святых, так что у меня есть блестящий титул квотербека³ и особые привилегии. А у Вона репутация графа Дракулы, а семья Хантера является четвертой самой богатой семьей в Северной

² Grim Reaper – британская хеви-метал-группа.

³ Квотербек (англ. Quarterback), QB – позиция игрока нападения в американском и канадском футболе. В современном футболе он является лидером и ключевым игроком в атакующих построениях команды.

Америке, поэтому достаточно просто сказать, что наши члены сделаны из золота и любая киска в наших руках.

Хантер приподнял подбородок, показывая настоящее шоу. Иногда я реально ненавижу его, но по большей части мне плевать на его концерты.

– Ты. – Он указал на девушку по имени Элис, с эльфийскими белыми волосами и огромными ореховыми глазами. Он шевельнул указательным пальцем, предлагая ей подойти ближе. Она обменялась взглядом с подругой, затаив дыхание, и захихикала, отчего ее внушительная грудь затряслась. Одна из девушек толкнула ее в нашу сторону, громко зашептав:

– О мой бог, Эл. Просто иди.

– Сделай фотки, – кашлянула брюнетка в кулак.

Хантер указал подбородком на Вона. Тот пробежал своим холодным взглядом по девушкам, осторожно, методично. Казалось, что он ищет кого-то особенного. Кого-то, кого там нет.

– Ты выбираешь себе перепихон на одну ночь, а не подписываешь договор на ипотеку. Давай быстрее. – Хантер закатил глаза, перекидывая руку через плечо Элис. Она внимательно наблюдала и улыбалась ему так, что из глаз сыпались звездочки.

Вон проигнорировал Хантера, как он делал с девяноста процентами людей, пытающимися поговорить с ним.

Я внимательно изучил ряд девушек и остановил взгляд на

одной по имени Арабелла. У нее огромные голубые глаза и загорелая кожа. Она старшекурсница. Немного напоминала мне Луну – когда не разговаривала. Но вот в чем фишка девушек из старшей школы, да? Они чертовски много разговаривают... в отличие от той, в чьих словах я отчаянно нуждаюсь.

Нет. Именно эта со мной еще не говорила.

– Арабелла, детка. – Я указал рукой в ее направлении.

Она оторвалась от стены и пошла ко мне, в черном платье мини и высоких ярко-розовых туфлях на шпильке.

Вон наконец-то выбрал девушку, хотя и ворчал, как пещерный человек. Я сделал себе мысленную заметку спросить его об этом потом, но Вон никогда не говорил о девушках.

И чувствах.

И, знаете, о жизни в целом.

Я хотел сказать ему, что если у него нет желания погружать в кого-либо член сегодня вечером, то никто его не заставляет. Но было ясно, что это слишком лицемерно. Не говоря уже о том, что это было ложью.

Мы конфисковали мобильные телефоны девушек еще до того, как они зашли в комнату, и бросили их в глубокую миску за дверью, которая охранялась каким-то младшеклассником, пытающимся вписаться в крутую компанию.

То, что творилось в развлекательной комнате Вона, оставалось там. Мы не были плохими парнями, несмотря на то что так многие думали. Мы никогда не болтали о девушках,

которые входили туда, – ни между собой, ни с кем-то еще. Если сами девушки хотели похвастаться, это было их делом. Но делать фотографии мы никогда не позволяли, как и распространять злые слухи или устраивать сцены. Правила просты: тыходишь, развлекаешься, но утром понедельника ты ведешь себя так, будто ничего не было.

Потому что на самом деле не происходило ничего такого, о чем следовало бы беспокоиться.

В развлекательной комнате Хантер занимался оральным сексом с Элис напротив стола для бильярда и параллельно вел с ней беседу о летних каникулах. Она подняла короткое платье и избавилась от него, едва успев отодвинуть трусики.

Оказалось, что она потеряла девственность несколько недель назад с каким-то парнем в христианском лагере и сейчас ей хотелось еще.

– Я просто хотела прийти, – заскулила она.

– Ну, тогда ты не выйдешь отсюда, пока мы не закончим.

Ее пальцы цеплялись за бильярдный стол, полуголая грудь прижалась к зеленому сукну. Хантер курил сигарету и смотрел британскую комедию «Долбанутые» на огромном экране напротив, продолжая трахать девушку.

А еще говорят, что парни не многозадачны.

Вон, который фанател от «Долбанутых», облокотился на стену, позволяя какой-то незнакомой девушке отсосать. Арабелла стояла рядом со мной в ожидании хоть каких-то действий, но я просто подпирал стену плечом в углу напро-

тив Вона, игнорируя девушку, стоящую на коленях рядом с нами.

– Надеюсь, она укатит в другой штат, – многозначительно сказал Вон, придерживая одной рукой волосы девушки, другой копясь в телефоне.

У него не было страниц ни в одной из социальных сетей, и он всегда был против показного позерства, прямо как я. Однажды я поймал его за просмотром страницы в «Инстаграме» какой-то девушки, но он сразу же заблокировал телефон. Я никогда не узнаю ее имя, спрашивать бесполезно.

В любом случае, Вон сейчас говорил о Луне, так что пришла моя очередь отключиться. Я не люблю разговаривать с ним о ней.

– Ты ведь потратил много лет на это дерьмо? – сказал он, пряча телефон в задний карман джинсов.

Это дерьмо? Да пошел ты, Спенсер.

– А ты? – прорычал я сквозь сжатые челюсти. – Ты настолько ненавидишь девушек, что с трудом трахаешь их. Минеты это единственное, на что ты согласен, лишь бы тебя не касались. А я способен на чувства.

– Я способен на чувства. – Он поднял одну бровь. – Ненависть. Ревность. Презрение. – Он посмотрел вниз на девушку, которая качала головой вперед и назад у него между ног, в его ледяных глазах застыла апатия, еще раз доказывающая, что никому нет места в его душе. – Кроме того, невзаимная любовь похожа на красивый «Ягуар» – тебе приходится та-

щить его на себе вместо того, чтобы ехать. Красивый и блестящий снаружи, но слишком тяжелая ноша, чтобы обречь себя на нее.

– Сдохни, – улыбнулся я.

– В конце концов, я не умру девственником, – сказал он вежливо, проводя руками по крашеным волосам девушки, сжимая их на затылке.

Я почти был готов выбить из него все дерьмо, как вдруг Арабелла положила пальцы на мою шею.

– Ты выглядишь немного напряженным. Позволь я помогу тебе, – промурлыкала она. – Я слышала, что ты извращенный ублюдок, Найт Коул. Рискнешь со мной?

Я все еще не обратил на нее внимания, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться к ней. Я не идиот – она здесь не ради *меня*. Все они пришли сюда за сплетнями. За *славой*. Им не важно, кто их выбрал, главное, что их просто выбрали.

– Не в том настроении. Но...

Я сжал ее подбородок и притянул в объятия. Она застонала мне в рот, когда наши губы соприкоснулись. Ее язык попытался проникнуть ко мне в рот, но я сильнее сжал губы, игнорируя ее старания. Я никогда в своей жизни так не целовался с девушкой, но я был слишком накуренным, кроме этого, моя решимость слабела каждый раз, когда Луна отшивала меня.

Я размазал ей помаду, будто это военный камуфляж, погрузил пальцы в густые волосы, взлохматив их так, словно

ее жестко трахали все последние десять лет. А затем отстранился с усмешкой на губах. Помада была повсюду: на губах, носу, подбородке и щеках. Могу представить, насколько дико я сейчас выгляжу.

– Может, в другой раз? – Надежда зажглась в ее глазах, в пьяной улыбке появилась самоуверенность.

– С удовольствием, детка.

Арабелла получила свою историю.

А я подделал свою.

* * *

Через двадцать минут мы вывалились из развлекательной комнаты и спустились вниз, чтобы закончить вечеринку. Я зашел на кухню, чтобы взять шестое пиво, и обнаружил Арабеллу, Элис и девчонку Вона около барной стойки, где они рассказывали свои преувеличенные истории своим подругам.

Я знал, что я и мой секрет в безопасности с Арабеллой. Ни одна девушка не признает того, что легенда Школы Всех Святых даже не притронулся к ней. Правда состояла в том, что мне не нравилось, что все эти девушки соревновались друг с другом. Единственное извращение, которое мне нравилось, так это играть в порноигры (не судите строго).

Я открыл холодильник в поисках светлого пива «Bud». Меня все еще трясло от того комментария Вона, не пора бы

Луне катиться отсюда. Куда-нибудь подальше. Раз он думает, что я смогу ее забыть, он определенно никогда не был влюблен.

И еще кое-что. Причина, по которой я напился до полу-смерти сегодня вечером. Я обыскал все шкафчики на кухне в поисках водки и сделал большой глоток, прежде чем продолжить пить пиво.

Дорогая жизнь!

Круто. Ты можешь перестать подкидывать мне дерьмо. Я уже по горло в нем.

Твой,

Н. Дж. К.

Мой разум начал вытворять странные вещи сразу после того, как родители мамы, бабушка Шарлин и дедушка Пол, погибли в автокатастрофе и мать стала сиротой. Это было пять лет назад. Мне было все равно, что я их потерял; меня убивала боль мамы.

Именно тогда я впервые начал выпивать втайне от всех, и черт знает – я никогда не прекращал.

– Он просто удивительно огромный, – заявила Арабелла позади меня, прислонившись к барной стойке. Она выглядела так, будто ее неистово трахали.

Очевидно, что она не заметила меня, а если и заметила, то понимала, что я не буду оспаривать ее историю.

– Слишком огромный. Сперва я даже подумала: как же я вмещу в себя Найта Коула? Готова ли я? Но он буквально

пожирал меня до этого с полчаса. Когда его язык с пирсингом касался моего клитора, о, я даже начала бегло говорить на шведском.

Вздохи, смешки и интимные вопросы взорвали комнату. Я закрыл холодильник, развернулся с пивом в руке и врезался во что-то маленькое.

Маленькое и загорелое.

С глазами цвета расплавленного серебра и созвездием веснушек на носу и щеках – с картой, которую я знал наизусть.

Луна Рексрот.

Я практически услышал, как раскололась маска на моем лице, когда я склонил голову набок, подтолкнул холодную бутылку к ее носу, наблюдая за тем, как капля пива стекает и падает на ее сочные, пухлые губы. Я убрал локон, который упал ей на глаза.

Луна Рексрот – красавица. Определенно. Но есть много красивых девушек. Разница в том, что Луна относилась к своей красоте как к чему-то, взятому в долг. Аккуратно, не создавала шума из этого. Она никогда и ни за кем не стояла в очередях, нигде. Она выделялась своей гордостью.

На Луне была белая рубашка с закатанными рукавами, джинсы-бойфренды и пара грязных кроссовок Vans. На нежном лице нет и намека на макияж. К сожалению, это лишь подчеркивало то, *насколько* она красивее других, ненастоящих девочек. Взглянув на нее, я тут же понял, что она в кур-

се того разговора позади меня, в кухне. Она всегда одаривала меня этим разочарованным взглядом. Типа: ты можешь быть лучше, чем кажешься.

Но я так не думаю. Потому что лучшее – *она* – недоступно мне. Она дала мне это четко понять.

Три раза.

Три поцелуя.

Все заканчивались ужасно.

Поцелуй номер один был немного натянутым, даже я это признаю.

Мне было двенадцать, а ей тринадцать. Мы были в аквапарке, около большой голубой горки. Мы смеялись, брызгали друг на друга водой, и я просто сделал это, да, вот таким я был спонтанным придурком. До тех пор идея того, что есть я и Луна, была просто фактом. Розы – красные. Солнце встает на востоке. Морской конек может вращать глазами в разных направлениях (Луна мне рассказала об этом), а Луна будет моей подружкой, девушкой, женой.

Увы, она отвернулась и просто вздохнула.

Из-за того, что она не может – *не хочет* – разговаривать, общается с помощью языка тела. Затем, увидев сожаление на моем лице, она растаяла и обняла меня. Мы соприкоснулись кожей. Это бы первый раз, когда я понял, почему поцеловал ее.

Стояк. У меня был стояк. И это было... не круто.

Поцелуй номер два случился, когда мне было четырна-

дцать, и стоит признать, что моему члену понравилась Луна так же, как и остальному мне.

После чего я научился прятать его при ней, особенно после того, как мы начали спать вместе почти каждую ночь.

Я только пошел в первый класс старшей школы, а Луна была во втором. Я заработал неплохую популярность в Школе Всех Святых благодаря фамилии и способности пинать мяч, в чем остальные игроки команды были не очень хороши.

Все девчонки сходили по мне с ума, я надеялся, что Луна замечает все записки, которые вылетали из шкафчика каждый раз, когда я открывал его. Мы были лучшими друзьями. Ничего не поменялось. Ну кроме меня. Я начал наращивать мышечную массу, и в несколько рывков я вытянулся буквально за ночь.

Это было ночью, когда я, как обычно, пробирался к ней в комнату через окно, я делал так каждый раз, когда наши семьи ложились спать. Когда она открыла окно, чтобы впустить меня, я прижался губами к ней и прошептал:

– Держи второй.

Это была самая большая ошибка, которую я когда-либо делал. Она закрыла окно, прищемив мои пальцы. Меня выкинуло прежде, чем я смог зацепиться за раму. Каким-то чудом мне удалось удержаться на трубе, а через секунду Луна поняла, что натворила. Она сразу же затянула меня обратно и спасла от смерти.

В ту ночь, пока я делал вид, что сплю в ее кровати, она написала мне настоящее письмо с извинениями, в котором объяснила, что любит меня, но видит нас только друзьями.

В тот раз я принял это. Очевидно, что ненадолго. Я знал, что все проблемы в Луне, а не в Найте. Я замечал, как она смотрела на меня, когда вокруг были другие девушки, когда передавали мне записки, а телефон светился от непрочитанных сообщений.

В ней был голод. Отчаяние – горячая, зеленая жидкость, которая протекает в душу, когда ты наблюдаешь за кем-то твоим, обожаемым другими.

Я продолжал лазать к ней в окно каждую ночь. Я принял все. Ей нужно время. Время? У меня его достаточно.

Я решил показать ей, что я не просто одержимый сталкер. Я способен двигаться вперед. Чтобы доказать это, я перестал игнорировать других девушек. Я начал встречаться, переписываться, флиртовать.

Я оставался близким для нее человеком, поддерживал отношения с девочкой по соседству. Но у меня появилась вереница подружек, которые приходили и уходили – целая очередь из красавиц с глянцевыми губами, которые одевались в правильные бренды, говорили нужные вещи. Я выставлял их напоказ в школе, приводил на семейные вечера с барбекю, я надеялся, что Луна обратит на меня внимание, когда я не буду пытаться засосаться с ней каждый раз, когда она смотрит в мою сторону.

Смешно, но это привело к поцелую номер три.

Поцелуй номер три случился, когда ей было семнадцать, а мне шестнадцать. Я назвал его поцелуем смерти, потому что урон, нанесенный им нашим отношениям, был огромным. Даже сейчас, спустя полтора года, я все еще ощущаю его эхо. Например, до поцелуя номер три Луна сообщала мне, что собирается на вечеринку к Вону. А вот Луна *после* поцелуя практически не говорила мне о том, что она собирается делать и куда идти. Мы все еще тусовались вместе, но это стало плохой привычкой.

Вернемся к поцелую. Я дурачился с девчонкой по имени Нои в то время. Но я ясно помнил о семнадцатом дне рождения Луны. Я купил нам билеты в музей, хотя в городе проходил карнавал, но Луна ненавидит карнавалы – и зоопарки, и океанариумы, и любые другие места, где животных используют в развлекательных целях. Я все спланировал. Луна вегетарианка, в Тодос-Сантосе было открыто одно веганское местечко, прямо напротив музея. Я купил кучу странной фигни у Бренди Мелвилла и сделал на спине тату с морским коньком, надеясь, что она поймет сообщение: она – мой позвоночник.

Луна обожает морских коньков. Это ее любимые животные – что-то о самце морского конька, который рождает... Мама вынесла мне мозг, прежде чем подписала соглашение на татуировку, но она знала, что это какой-то грандиозный план, и позволила.

А если этого было бы недостаточно, то я сделал семнадцать разных открыток, пытаясь успокоиться, ведь мы проведем весь день вместе.

День прошел идеально, как и день рождения в целом. Настолько идеально, что, когда я провожал Луну до дома вечером, она взяла мое лицо в ладони и улыбнулась. Я пялился на нее как идиот, размышляя: *сделать это или нет?*

Темнота заполнила улицы. Наши семьи были внутри, вероятно, ужинали. Никто нас не видел – не то чтобы хоть кому-то было до этого дело. Это было не секретом, что я готов сносить головы и сбить солнце ради Луны Рексрот.

Я изучал ее лицо в поисках выражения согласия. К тому времени я неплохо научился различать его в лицах девушек, когда смотрел на них. Но не с Луной, конечно. Каждый раз, когда ее глаза говорили «да», все остальное в ней кричало «нет». В этот раз я решил, что мне нужно убедиться точно, прежде чем я облажаюсь и получу явно недружеский визит Трента Рексрота, отца Луны, с его недружелюбной бейсбольной битой.

Она прижала мою ладонь туда, где билось ее сердце, а билось оно достаточно быстро. Я подумал, что ей нужно, чтобы я вернул его в прежний ритм. Мои пальцы произвольно коснулись ее груди. Намек на набухший сосок под моей ладонью отозвался дрожью в коленях.

Луна носит только спортивные лифчики. Вы замечаете такие вещи, когда все время тусуетесь с девушкой. В моем моз-

гу произошло короткое замыкание, отказываюсь подбирать слова для описания того, что творилось внутри меня. Я имею в виду...

Моя.

Рука.

Была.

На.

Ее.

Груди.

Почему я чувствовал себя настолько фантастически? У меня в голове мы уже трахались третий раз за день. Я дрочил с утра в душе перед тренировкой, передергивал днем, когда я приходил с тренировки и, конечно, немного ночью, чтобы снять напряжение, прежде чем лезть к ней в окно. Я размышлял о самых грязных вещах, о которых Луна, скорее всего, даже и не подозревала, не говоря уже о том, чтобы заниматься чем-то подобным.

Тем временем в реальной жизни я всего лишь слегка коснулся ее соска. Я немного переживал о мужском достоинстве. А еще о своем рассудке, когда приходил к этой девушке.

– *Ты чувствуешь?* – показала она.

Я крепко зажмурился, выдохнул через нос и снова открыл глаза.

– Я никогда не перестану это чувствовать, лунный свет. – Слова были пропитаны болью.

– *Обещаешь никогда не разбивать его?*

Даже мой тупой подростковый мозг понимал всю сложность ситуации. Не прерывая нашего взгляда, я положил ее руку на свое сердце, чтобы она убедилась, что она не единственная, чье сердце выскакивает из груди.

– Обещаю.

Луна повела подбородком, давая мне самое очевидное согласие в этом гребаном мире, и я согласился в ответ, все еще боясь очнуться ото сна. Это случилось. Мои губы прикоснулись к ее. Наконец-то. Взаимно. В этот раз она не отвернулась.

Низкий, гортанный стон вырвался из моего горла, когда наши губы встретились и соединились. Поцелуй с ней был волшебным, и это немного огорчало, потому что я понимал, что, поцеловав десятки девушек до нее, я оказался прав с самого начала. Моя мама как-то сказала, что существует куча крышек для одной банки, но подойдет только одна. *Луна.*

Ее губы такие мягкие, сладкие, послушные – как она сама. Она пахнет кокосами, океаном, солью и наточенными карандашами. Как рай. Ее дикие кудри закрывали наши лица. Я накрутил один локон на палец, и меня словно током ударило. Я больше всего любил ее волосы, потому что именно по ним я узнавал ее еще издалека. У всех остальных были выпрямленные, тонкие или что-то между прямыми и кудрявыми. Кто-то делал ужасные локоны, залитые лаком, это делало их похожими на разведенку из телешоу. Но Луна выгля-

дела натурально. Это было как целовать целый лес прямо в нашем домике на дереве.

– Найт. Джеймсон. Коул! – Громкий крик разрезал воздух, отталкивая тело Луны от моего.

Я повернул головой, все еще пьяный от поцелуя. Нои стояла прямо перед дверью, разинув рот, одна рука лежала на талии, а нога отстукивала ритм по лестнице.

– Я знала это! Я просто знала это! И с этой школьной ненормальной! Я должна была послушать Эмму и Жака, когда они говорили мне об этом. Ты лжец.

Нет. Нет. Нет. Просто... *нет*.

Почти уверен, что произнес все вслух, так как Нои заорала:

– Да, черт возьми! Поверить не могу! Я думала, ты сводобен.

Честно, это было бы смешно, если не было бы так дерьмово.

Я даже не думал о том, чтобы объясниться с Нои. Мы никогда не были крепкой парой. Мы не созванивались, не переписывались, хотя время от времени я тусовался с ней на публике. Я бы объяснял Нои, что у меня сложная ситуация. То, что отношения меня не интересуют. Что у меня есть конечная цель, и она в нее не включена.

– Лунный свет, подожди...

Я преследовал лучшую подругу по извилистой мощеной улице, ведущей к ее дому. Она быстро бежала между зеле-

ными изгородами, опустив голову, чтобы я не видел ее лица. Она просила меня не разбивать ей сердце, а я просто пошел и сделал это, еще даже до того, как успел закончиться наш поцелуй. Обезумев, я схватил ее за запястье. Она развернулась, в серых глазах метался огонь, который навсегда останется в моей памяти. Я тут же отпустил ее. Она подняла палец между нами, предупреждая меня не подходить ближе. И начала самую длинную речь, которую я когда-либо видел. Она показала все:

– Я люблю тебя, Найт Коул. Больше, чем кого-либо на свете. Может, больше самой себя. Но я не доверю тебе мое сердце. Когда ты вот так причиняешь мне боль, то я чувствую себя ничтожной и мстительной. Настолько мстительной, что тебе не следовало бы доверять мне. Что бы это ни было, нам надо убить это прежде, чем оно убьет нас, понимаешь? Мы не можем быть вместе.

– Но...

– Друзья.

Она практически сказала это слово. Я почти услышал его.

– Послушай, Луна, это было не то, что ты думаешь. – Я настолько сильно сжал себе волосы, что на мгновение мне показалось, что я сейчас вырву их с корнем. Дерьмо. Я хочу что-нибудь разорвать. Может, мою собственную кожу.

– *Найт, нет. Пообещай.*

Я развернулся и пошел домой.

Тогда я думал, что не справлюсь.

Но теперь я знаю, что, когда выбора нет, вы справляетесь.
– Лунный свет. Взять тебе пиво? – Я загородил ей проход на кухню. Она к другим девушкам своей огромной фигурой и провел проколотым языком по нижней губе.

Те девчонки, они ненавидят ее. Ведь она будет тусоваться со мной и Воном, с самыми популярными парнями в школе, пока не покинет школу. Мы проводим вместе летние каникулы, летали на Мальдивы с Дарьей Фоллоуил, королевой Школы Всех Святых. Луна была крутой, но только черту известно, что она старается изо всех сил не быть ею.

Меня не напрягает, что Вон и Луна близки. Я доверяю им. Каждый раз, когда она дышала в сторону парня, который был не мной, я испытывал тупую боль, но сейчас научился контролировать это.

Почти.

Сейчас Луна показывает средний палец девушкам за мной. Но реакции не последовало, либо они не видели, либо знали, что никогда не смогут ей ответить из-за моего гнева.

– Что привело тебя в логово льва? – Я медленно провел ладонью по ее щеке, с трепетом наблюдая, как мурашки покрывают ее шею.

Она взяла пиво из моей руки, сделала небольшой глоток и указала на меня горлышком бутылки. Все взгляды были направлены на нас, но я привык к такому. Луна – не совсем.

– Только не забудь вернуть его для второго раунда, – гавкнула Арабелла сзади.

Ее клоны, одетые в мини, засмеялись словно гиены.

Луна пристально посмотрела на нее, а затем сделала вид, что пихает пальцы в горло. Я еле сдержал улыбку, а она повернулась ко мне.

– *Комната Спенсера. Через пять минут.*

Спальня Спенсера была звуконепроницаема, и это было то, над чем мы с Хантером вечно подшучивали. Не важно, что Барон – отец Вона: должно быть отстойно знать, что кто-то трахает твою мать настолько сильно, что для этого нужны звуконепроницаемые стены, чтобы не разбудить соседей.

Хотя я не слышал голоса Луны, но знал, что она злится. Я читал это в ее внимательном хмуром взгляде. Я видел его каждый раз, когда она отвергала меня – не один, не два, а *три* раза. Какое это имеет значение, если я могу трахнуть каждый рот в этой комнате? Мы все равно не вместе.

– Закончу кое-что и поднимусь. – Я сделал глоток пива, развернулся и шлепнул Арабеллу по заднице по пути к Вону, чтобы попросить ключи от спальни его предков.

Я был немного зол, но в такой критичной ситуации немного расслабился.

Прямо сейчас, казалось, я мог дышать огнем. В моей семье не злоупотребляли психоактивными веществами, поэтому обычно я жестко ограничиваю себя в травке и алкоголе на вечеринках.

Но обычно я не узнаю, что моя мама официально перестает быть кандидатом на трансплантацию легких, а значит,

врачи буквально отказались от нее.

Сегодня я узнал об этом.

Моя мама больна. *Серьезно* больна. У Розы кистозный фиброз. Ей повезло, что она дожила до сорока лет, не говоря уже о том, через что ей пришлось пройти за эти годы. Недавно терапия стала более интенсивной и частой. Она стала оставаться в больницах дольше обычного. Иногда на несколько недель. Ее легкие не справлялись. Остальное тело тоже было уже не в том состоянии. Внешне она выглядела хорошо. Прекрасной. Живой. Но внутри ее печень и почки разрушались. Как и наша семья.

Честно говоря, я был удивлен, что отец не вырвал собственные легкие и не затолкал их ей в глотку, когда узнал диагноз. Этим вечером я был в ярости и уже не контролировал себя. Все, что я знал – мне надо заглушить боль от того, что маме нельзя пересадить легкие, и от того, как она рыдала, сгорбившись над рабочим столом отца.

Пять минут спустя я открыл спальню и впустил Луну, закрывая за нами дверь. Комната Спенсеров оказалась самым диким, что я когда-либо видел. Если бы у шоу «Тачку на прокачку» и Букингемского дворца появился ребенок, он был бы этим местом. Королевские темно-синие шторы закрывали окна от потолка до пола и гармонировали с обитой калифорнийской кроватью королевского размера. Все остальное было золотым и кроваво-красным. На стенах висели автопортреты пары Спенсер в сексуальных позах, которые нам

не следовало бы видеть – именно по этой причине они запирали комнату, когда их не было дома.

Луна упала на огромную кровать в позе снежного ангела. Она выглядела отстраненной. Задумчивой. Облокотившись плечом на один из портретов, я наблюдал за ней, готовый защищаться.

– *Почему ты отдаешь себя каждому, кто попросит?* – спросила она, а на глазах блеснули непролитые слезы.

Интересно, и это Луна, которая сделала все возможное, чтобы игнорировать мои шалости с девушками весь прошлый год, а так же тот факт, что у меня есть член. Я склонил голову, рассматривая ее. Я не был мудаком – по крайней мере, для нее, а, может, и для всех. Но она переступает порог, если думает, что может указывать мне, что делать в свободное время.

– Потому что мне это нравится. – Я пожал плечами.

Она наградила меня взглядом типа «тебе это точно не нравится».

– Ревнуешь? – усмехнулся я.

Она закатила глаза.

– Хватит ходить вокруг да около. Если это зов плоти, то я с радостью приму его.

Ни в коем случае я не рискну еще раз пошатнуть свое эго – *в четвертый раз* – за неделю до того, как начнутся ее курсы в колледже, это прикончит меня. Больше у меня нет рычагов давления на нее. Герой Школы Всех Святых официально от-

страняется от защиты ее в школе. Мне нужно быть аккуратнее, чтобы остаться с ней рядом.

– *С каких пор ты стал придурком сексистом?* – она сузила глаза.

– В тот самый момент, когда родился. Это называется быть мужчиной.

Я принизил себя до своей репутации, а она это ненавидела. В конце концов, она та странная, которая не разговаривает. Ей отлично известно, что между клеймом и самим человеком пролегает пропасть, на дне которой прячется правда.

– Не гони на меня за то, чем я не управляю. Я как проклятый работаю на свой член и принимаю приказы напрямую от него, – пошутил я, желая немного разрядить обстановку.

Она издала саркастичный смешок, покачала головой, свесила ноги с края кровати и направилась в сторону двери.

– *Отличный разговор, Найт.*

Воу. Стоп. Что. За. Херня. *Что?*

Она не могла дать мне шанс две тысячи раз, а потом разозлилась, когда я попытался двигаться дальше. Или сделала вид, если на то пошло.

Я схватил ее за запястье и повернул лицом к себе.

– Ты пришла сюда полить меня дерьмом?

В моем голосе появилась ярость, это бесило. Я так старался исполнить любое ее желание. Когда она хотела поцелуев, то получала их. Когда хотела дружбы, то тоже сразу ее получала. А как насчет того, что я хотел от нее? Что мне *нужно?*

– Мне не за что извиняться. Если ты здесь, чтобы поругаться, то дождись, когда я закончу вечеринку. Я приду к тебе в комнату, и мы спокойно поговорим. А, точно. Ты не разговариваешь.

– *Заткнись, кретин. Заткнись прежде, чем ты разрушишь восемнадцать лет дружбы за одну пьяную ночь.*

В ее взгляде пылала ярость, она стряхнула мои руки.

– *Зачем ждать?* – показала она. – *Если ты можешь встать любой другой девушке?*

Ее руки двигались очень быстро. Обычно Луна вообще не разговаривает, даже на языке жестов, так что сейчас ее злость зашкаливала.

– Сразу двум. – Подмигнул я, зная, что пожалею о каждом сказанном слове, которое вылетело из моего рта, но уже был неспособен остановиться. – Я чертовски многозадачен, ты бы знала это, если бы не была такой чертовой трусихой.

Это пиво говорило во мне, не я. Но давайте на чистоту – пиво не ошибалось. Я был на стороне пива до победного конца. У пива стальные яйца, в отличие от меня.

Я услышал пощечину еще до того, как почувствовал ее. Это был первый раз, когда девушка дала мне пощечину. До настоящего момента я не был игроком, я был тренером. Я соблюдал все правила игры. Я никогда никого не подводил. Кроме Нои, которая просто отказалась примириться с моими условиями. Девушки всегда все понимают, даже если не читают текст мелким шрифтом.

Луна сделала шаг назад, закрывая рот рукой. Мой взгляд был прикован к стене позади нее. Я даже не потер щеку. Какие бы эмоции во мне это ни вызвало – я не показал ничего. Как я уже говорил, моя маска сделана из чистого золота. Ничего не просачивается. Ничего не вываливается.

Я был пьян и напуган из-за ситуации с матерью. Еще одна потеря в моей жизни не будет иметь никакого значения. Я театрально вздохнул.

– Лунный Свет, детка, мы справимся со всем. Следующий раз целься прямо в яйца. Квотербеки хорошо умеют принимать удары. Почти ничего не чувствуют, – сказал я.

Она подняла руку в знак извинения, опустил голову и закрыв глаза. Луна принадлежит к тому типу девушек, которые никогда не ранят душу – заботливая, нянька для целой команды. Вон и Дарья думают, что она отвратительно сладкая, но я променял бы на ее сладость их черные сердца без раздумий.

– Забудь. – Я взял ее за руку и поцеловал костяшки. Я был переполнен Луной Рексрот – неспособен злиться на нее, даже когда она заслуживает.

Ужас того, что она сделала, все еще отражался на ее лице, когда она сделала еще один шаг назад от меня и ударилась ногой о кровать. Она не боялась меня, понял я. Она боялась, что снова сделает это.

– Почему ты здесь, Луна? – мягко спросил я.

Она сглотнула и выглянула в окно. Дом Спенсеров пред-

ставлял собой темный замок, большое старинное здание, которое сильно выделялось в ухоженном районе, как изгой. Интересно, хотела ли Луна выпрыгнуть в окно, как тогда, когда она выскочила на дорогу перед машиной несколько лет назад. Мне так же интересно, было ли это случайностью. Несмотря на все годы нашей дружбы, я так и не знал, о чем она думала девяносто процентов времени.

– Я пришла поговорить с тобой о колледже. Я готова принять решение.

Я кивнул, прислонившись к стене со скрещенными руками. Нет ни единого шанса, что она уедет, не имеет значения, чего хочет ее отец. Она не покидала наш район даже на ночь без своей семьи. Это нормально, что мне нравится ее страх? Защищенность? Закрытость? Потому что это означает, что у меня больше ее и меньше соперничества.

«Да, придурок. Это неправильно от и до», – произнес внутренний голос.

Тем не менее, от этого не перестает быть правдой. Я думал, что Трент сошел с ума, предложив ей колледж за пределами штата, не говоря уже о том, что ей пришлось принимать решение всего за неделю.

– И? – спросила она. *– Что ты думаешь?*

– Калифорнийский университет онлайн.

Мы реально говорим о вузах прямо сейчас? Все это еще более ненастоящее, чем сиськи официанток в барах «Хуртерс».

– У них хорошая программа по творческому письму, – продолжил я. – Плюс тебе не придется уезжать, так что ты будешь здесь с Рэйсером, Эди и папой.

И со мной.

Она кивнула и повернулась к окну, прикоснувшись пальцами к стеклу и выглянув наружу. Она только что ударила меня, перед этим обвинив в том, что я сплю со всеми подряд. Но правда в том, что, чтобы идти дальше, мне нужно больше, чем просто крохи ревности. Она отшивала меня слишком много раз, мне нужно было, чтобы она бросила мне кость хотя бы с ошметком мяса, прежде чем я смогу быть уверен, что я по-прежнему тот же жалкий ублюдок, который любит ее с первого дня. Как бы я ни хотел, я был ее, нравится мне это или нет. И черт знает, мне это больше не нравится. Не сейчас.

– *Ты пьян,* – обвинила она.

Возможно, виски у меня в мозгу, но мой член, несмотря ни на что, был трезв как священник и восхищался яростной натурой моей лучшей подруги.

– Хорошо, святая Луна, – я бросил прозвище, данное Дарьей, ей в лицо.

– *Может, у тебя недоразвитая лобная доля. Поэтому ты так часто рискуешь,* – показала она. Она практически не разговаривает, так что не ей говорить о развитии моей лобной доли.

– Спасибо за медицинское заключение, но я не думаю, что

хоть что-то во мне недоразвито. Конечно, тебе легче меня ударить, чем выяснить, да? Все, что угодно, лишь бы не чувствовать себя живой.

Я добродушно улыбнулся, когда подошел к двери. Я не остановился на пороге, как хотел. Пиво, травка, или что там было, взяли на себя ответственность и сказали, что Луна может попробовать вкус своего же лекарства. Я пошел на вечеринку, моя щека все еще горела от ее удара.

«Пойди за мной – умоляло мое сердце. – Ты нужна мне. Моей маме очень плохо. Я не знаю, сколько ей еще осталось. Я нуждаюсь в тебе».

Я обернулся – Луны не было.

Я схватил зад Арабеллы, как только вошел на кухню, притянул ее к себе и прижался пахом. У меня был жесткий столик, главным образом из-за того, что Луна касалась меня, но когда я усмехнулся Арабелле, то понял, что сегодня вечером мы это сделаем.

– Кое-кто готов для второго захода, – пропела она.

Я наклонился и нахмурился, показывая чувства на публике первый раз с... первый раз. Я не целовал девушек при всех. Это была одна из многих вещей, которые я не делал на людях, чтобы быть тактичным по отношению к девушке, которая не могла отказать при всех, сказать, как именно она относится ко мне.

Вон и Хантер правы. Я одержим, и не имеет значения, что мы выросли вместе. Мне нужно смириться с тем фактом, что

это невозможно – Луна и я никогда не будем парой.

Я закрыл глаза, и Арабелла сделала всю остальную работу. Наш поцелуй заглушили крики ее друзей, оглушительная музыка и стук кроссовок Луны, когда она толкнула кого-то по пути к двери.

Я узнал звук ее бега, будто это был мой родной язык.

Но я поклялся в ту ночь, что прекращу погоню.

* * *

Луна

Тупая. Тупая. Тупая.

Я шлепнула себя по лбу, когда выбежала из дома Вона, настолько смущенная, что меня чуть не стошнило.

Все должно было пройти не так.

Я должна была набраться смелости, чтобы пойти туда и сказать, что я хочу остаться в Калифорнии. Что я могу быть рядом. Рядом с *ним*. И Розой. И со всеми, кто мне дорог.

Я все лето ждала, что он поднимет эту тему, но каждый раз, как только мы начинали говорить о моих планах на поступление, Найт зевал и задавал вопрос «А что мы будем есть?». В его словах было какое-то пренебрежение, это сбивало меня с толку. Как будто я спрашивала его о том, должна

ли я стать космонавтом или ветеринаром единорогов, – как будто то, что я могу уехать в другое место, было невероятным и даже смешным.

Он даже никогда не говорил о нас. Может, никаких *нас* уже не существовало. Может, он наконец отказался от идеи *нас*, и мне некого в этом винить, кроме себя самой. Я покончила с этим. Я оттолкнула его.

Но то, что убивало меня больше всего, было где-то в глубине души, и я знала, что он прав. Я никогда не смогу справиться с проблемами сама. Я напугана, зависима и полностью сбита с толку, если он или родители не рядом. Моя судьба – плыть по течению жизни в одиночку – никаких взаимоотношений с кем-то, кроме его и наших семей, ну и еще пары людей. Я девочка в пузыре. Найт мой друг, но он с таким же успехом может быть моей нянькой. И хотя я зла на него – пусть и на одну ночь – за то, что он принимает меня как что-то само собой разумеющееся, за то, что прав, относительно моей неуверенности, – я не могу сопротивляться его правоте.

Я хочу доказать ему, что он не прав. Поехать в Аппалачский, чтобы что-то доказать.

В любом случае, мы разойдемся в разные стороны, абсолютно разными дорогами.

Он растет, развивается, в самом расцвете сил, пока я топчусь на одном месте.

Кроме того, а в чем смысл оставаться? Мы никогда не бу-

дем вместе.

Он всегда был окружен девушками. Девушками, которые красивее меня. Которые разговаривают настоящими словами. У некоторых из них прекрасные голоса. Девушками, которые наносят макияж, надевают модную одежду, выпрямляют волосы. Девушками, которые занимаются сексом с парнями и знают, как пользоваться своими телами как инструментом для соблазнения.

Девушками, как Арабелла.

Эти девушки всегда будут там, крутиться вокруг него, сражаться за его внимание. Я не могу представить себя рядом с ним и не быть съеденной живьем из-за того, что мои конкурентки могут предложить больше. Проблема в том, что то, что я *не* вместе с ним, не имеет никакого значения. Ревность сцепила свои зеленые когти на моем горле и сжимает сильнее каждый раз, когда я занимаю место в первом ряду и вижу, как он очаровывает других.

Пример тому пощечина, которую я отвесила ему после того, как увидела с Арабеллой. Стыд и смущение отразились огнем на моих щеках. Я бросилась через задний двор Спенсеров, перепрыгивая через людей, которые тискались прямо на газоне. Я повернула голову, чтобы посмотреть, преследуют ли меня Найт, как вдруг врезалась в чью-то крепкую грудь. Я сделала шаг назад и подняла голову вверх, и, *конечно*, это был Вон, который тащил новый бочонок с пивом на плече, его грязная футболка задралась вверх, оголив кубики и чару-

ющие косые мышцы живота, в них виднелись поцелуи красной губной помады.

Ну и повезло же тебе, Луна.

Вон перекинул бочонок на другое плечо и легонько толкнул меня назад к двери. Его рот, который обычно кривится в недовольной усмешке, дернулся, и он улыбнулся.

– Что за спешка, Рексрот? – Он терпеливо ждал моего ответа.

Вон знал язык жестов и мог читать по губам и рукам с легкостью. Все дети друзей моих родителей научились со мной общаться. Зная, что он всегда подчеркивает свое безразличие к чувствам других людей, я была удивлена, что Вон старается. Для него это было действительно сложно. Однажды его мама дала ему книгу по общению на языке жестов. И уже в следующие выходные он начал быстро общаться.

Он глянул мне за плечо. Я инстинктивно проследила за его взглядом. Сквозь стеклянную дверь кухни Найт пялился на нас, в одной руке у него было пиво, а другой он обнимал Арабеллу за плечи. Она целовала его в шею, засовывая руку ему под ремень прямо к его... Я быстро перевела взгляд назад на Вона и закрыла глаза.

– Ах, вот в чем спешка, – закончил Вон своим фирменным ядовитым голосом.

Меня сейчас вырвет. Я бросилась к двери, пытаясь оббежать Вона, но он сжал меня за плечи и цокнул.

– Сейчас, когда рыцаря⁴ здесь нет, чтобы спасти принцессу, давай немного поговорим.

Он вел меня словно загнанное животное, его рука лежала на моей шее – поймал добычу и тащит ее через саванну, – так мы оказались в мощеном дворике. Он толкнул меня на скамейку в темном углу между высокими стенами его особняка и розовыми кустами.

У Спенсеров не было бассейна. Вместо этого они разбили изящные сады, которые затмили бы собой сады Версаля. Но лучшим в поместье Спенсеров был райский уголок с пышной травой и белой беседкой, окруженный вишневыми деревьями, которые садовник обрабатывал до истерики деликатно.

Вон присел передо мной, как отец, а не как друг. Но он никогда не был для меня ни тем, ни другим. Он как двоюродный брат, лучший друг Найта. Его любовь ко мне – или отсутствие ненависти, скорее – брала начало только в солидарности с Найтом. Мы были не так близки, как многие думали. Я знала, где границы его лояльного отношения. Он заботится обо мне, но, если я причиню боль Найту, он оторвет мне конечности и выбросит, словно сбитое на дороге животное.

– Ты все еще не выбрала колледж, – сказал он.

Я смотрела на него в ожидании кульминации. Я чувствовала себя как провинившийся ребенок. Обычно мы тусова-

⁴ Имя Найта в оригинале пишется как Knight, что в переводе означает «рыцарь».

лись вместе, только когда Найт был рядом, иначе Вон отдалялся. Сейчас же мы были наедине, у него есть все для того, чтобы выпустить наружу демонов, скрывающихся за его акамариновыми глазами.

– Ты в ожидании особого приглашения от самой королевы Англии? – спросил он в типичной для него аристократично-высокомерной манере.

Наедине, и только самой себе, я могу признаться, что Вон пугает меня. Он, кажется, неспособен на любые обычные чувства. Я никогда не видела его плачущим, хотя знаю его с рождения. Он никогда не влюблялся, и он никогда не разговаривал с или о девушках. Он во многих смыслах похож на жену Лота⁵. Тяжелая статуя, сделанная из камня и соли, стоящая на скале, безэмоциональная и наблюдающая с ликованием за крушением Содома – или Тодос-Сантоса, – который вспылал из-за грешников.

Я не могу ответить на вопрос Вона и не показаться абсолютно безумной.

Я жду, что Найт попросит меня остаться.

Я жду, пока он осознает, что я могу это сделать.

Я могу переехать.

Я могу оставить его.

⁵ Жена Лота – безымянный персонаж Ветхого Завета. Согласно Книге Бытия, превратилась в соляной столп, оглянувшись на разрушаемые небесным огнем нечестивые города Содом и Гоморру. В Израиле на горе Содом находится столб из каменной соли, похожий по форме на женскую фигуру, он отождествляется с Лотовой Женой.

Я могу, могу, должна.

Ничего не показав, я сняла невидимый волосок с топа. Вон перенес весь свой вес на мыски и наклонился ближе. Он взял меня за подбородок, наклонив голову, чтобы наши взгляды встретились. Его глаза пронизывали насквозь, ковырялись в темном лесу моего разума, переворачивали каждый камень, срубали каждое дерево в поисках тайн и истин. Мне хотелось моргнуть, но я не захотела подчиняться ему, как все остальные. Поэтому я сжала челюсти и уставилась на него, не моргая.

– В какие игры ты играешь, Луна Рексрот? – прошептал он.

Сглотнув, я подняла брови.

– Это сила? Контроль? В чем твоя фишка? – Холодная улыбка мертвеца появилась на его розовых губах. – Ты не собираешься быть с ним. У тебя не хватит смелости.

Что-то в глубине меня орало на Вона, чтобы он заткнулся. Но я не могу отрицать правду в его словах. В мои планы не входит быть с Найтом. Не тогда, когда он со всеми подряд. Сейчас Вон сжимает мою челюсть, уже не аккуратно, но еще и не причиняет мне боль. Он трогает меня безэмоционально. Как врач.

– Уезжай в Северную Каролину, убирайся подальше отсюда. Поступай в Аппалачский, Луна, – отрезал он. – Закончи с этим нескончаемым дерьмом между Луной Рексрот и Найтом Коулом. Кот устал, а мышь больна. У этой сказочной ис-

тории любви было слишком много сюжетных поворотов, она уже похожа на пародию. Я знаю, что все думают, что у меня нет сердца. Возможно, это правда. Мой мозг, однако, функционирует по полной, и я вижу, куда все это ведет. Отдай Найту все, что может дать ему старшая школа. Он выпускник. Езжай туда, где ты не будешь подсирать каждый раз, когда он пытается забыть тебя. Позволь ему двигаться дальше. А что ты? Пойми, кто ты есть. Живи. Освободи себя от родителей и от него. Пришло время, Рексрот.

– Но я ...

Он взял меня за руки, притянул мои кулаки к груди и обхватил бледными пальцами. Его грудь теплая. Не знаю почему, но это удивило меня, ведь он кажется таким холодным, как надгробная плита. Я всегда думала о нем как о хладнокровном существе. Жестоком, бездушном крокодиле.

– Стоп, – прошипел он. – Ты хорошая, Луна. Кто-то заметит это с огромного расстояния. Ты волонтер в приютах. Ты заботишься о самой себе. Все люди считают тебя правильной. Бьюсь об заклад, если бы твоя дерьмовая мамаша появилась, то ты бы сразу оформила ей бесплатный пропуск.

Я поморщилась при упоминании Вал.

– Он *жалеет* тебя. – Эти слова покатались между нами по земле, а затем взорвались, словно бомба, я закашлялась. – Аналогичным образом тебе следует проявить милосердие.

Я не могла поверить, что Вон просит меня это сделать. Ожидая, что я смогу. Я боялась, что моя внутренняя охрана

падет, и я впускаю Найта внутрь себя, а он меня использует и бросит, и мне не скрыться от него, потому что он повсюду. Мы росли вместе, наши родители лучшие друзья. Наши семьи связаны, как тугая французская коса – в начале, середине и конце. И если я останусь, то будет то же самое: мы будем ходить вокруг да около. Всегда в одной вселенной, но никогда не на одной планете.

Вон заметил изменения в моем выражении, и хитрая ухмылка пробежала по его лицу. В Аппалачском хорошая программа по творческому письму. Он знает, что это моя страсть, поэтому вбил последний гвоздь в этот гроб.

– Творческие люди всегда не удовлетворены. Жизнью. Любовью. Работой. Тебя как будто пытаются, так, маленькая Луна? Грусть имеет кисло-сладкое послевкусие. Держит нас на плаву. – Он зажег сигарету. – Быть творческой натурой – это несчастная работа. Ты беременеешь ей, чтобы родить шедевр. Целый год мазков кисти, просто чтобы кто-то купил картину. Ты можешь быть несчастной где угодно, Луна. Но Найт? Найт может быть счастливым. Прямо. Черт возьми. Здесь.

С одной стороны, я была напугана до смерти. Что если я как «Парень из пузыря»⁶? Он вышел из этого пузыря, просто чтобы коснуться мамы, и умер одно мгновение спустя. Что

⁶ «Парень из пузыря» (англ. Bubble Boy) – фильм 2001 года, повествующий о человеке с неработающей иммунной системой, который живет в пузыре из герметичного пластика.

если я не выживу вне своего пузыря?

Но, с другой стороны, я хочу быть свободной. Хочу принимать решения сама. Даже просто показать Найту, что я не постоянная часть его жизни, как мебель. А еще заткнуть выскомерного Вона Спенсера.

Хотя он прав. Единственный способ заслужить Найта – перерасти нужду в нем.

– Закончи свое жалкое существование. – Выпрямился Вон. На его футболке были дырки, прямо как в его сердце. – Потому что он не сможет.

В ту ночь Найт не пришел повидаться со мной.

Защитить меня.

Уберечь меня.

Луна светила, поглядывая на меня, спрашивая *почему?*

Я отвернулась, подставляя спину и игнорируя жестокий вопрос.

«Солнце взойдет завтра, – напомнила я себе. – Оно должно».

Глава 3

Луна

Сентябрь, месяц спустя

– Сейчас она даже не разговаривает на языке жестов. Чувак, она не разговаривает совсем. Поверь мне. Я пытался. Она странная. Гениальная, но странная, еще не начала учиться, а уже получила высшие баллы по всем предметам. А на стене у нее висит плакат с морским коньком. Я даже передать не могу, насколько безумная атмосфера исходит от нее. Упс, кажется, кто-то у двери. Я пойду. Пока.

Эйприл, моя крутая соседка по комнате, открыла дверь. Когда она увидела, что я вожусь с ключом, то выражение ее лица изменилось.

Изначально я немного волновалась о моей соседке с разноцветными волосами. Папа и Эди сообщили в вуз о моем приезде, поэтому поселили меня с человеком, мать которого была глухой. Эйприл свободно говорила на языке жестов и была крошечной, с настолько светлыми бровями, что они были едва видны на ее лице. Она любит музыканта Бентли Диркса, духовную пищу и громко свистеть, когда мимо проходят привлекательные парни, а я считаю это ужасным и

смешным одновременно.

– Не думала, что ты вернешься так рано. – Она не давала мне пройти.

Я проверила время на телефоне и пожала плечами, толкая ее плечом. Ежедневная встреча с психологом, Мэлори, отменилась. Похоже, у нее заболел желудок. Но кто знает? Может, она просто устала пытаться добиться от меня хоть какого-то прогресса.

Я бросилась на кровать, открывая окно сообщений с Найтом.

Ничего.

Я не знаю, какая часть удивляет меня больше всего: факт, что я все-таки сделала шаг и уехала в Аппалачский государственный университет, или то, что Найт будто исчез с лица Земли.

Я жила им. Я одержима. Зациклена.

Взмахнув ногами, я села перед печатной машинкой. Папа достал ее для меня прошлым летом, когда я решила пойти в школу, в надежде, что это вдохновит меня на писательство. Пишущие машинки имеют все то, чего нет у ноутбуков: они настоящие, романтические и непрощающие ошибок. Если вы написали слово неправильно, то вам придется начать все сначала.

Папа знает, что я люблю хорошие задачи, но сейчас я словно не в своей тарелке.

Пиши.

Пиши все, что знаешь.

Что волнует тебя.

Что ты любишь.

Что ты ненавидишь.

Просто делай это.

Мои пальцы зависли над кнопками. Мне нужна передышка. Боковым зрением я заметила, что Эйприл смотрит на меня, будто я дикий енот, ворвавшийся в ее комнату.

– Правильно. Ухожу сейчас, Раймонд⁷. Свистни мне, если тебе что-нибудь нужно. Нужно, а не то, что хочешь, маленький вампир.

Сейчас она сравнила меня с героями Дастина Хоффмана и «Сумерек» в одном предложении. Удивительно. Интересно, знает ли она, насколько это обидно для людей с аутизмом и для меня.

– Эй. Земля вызывает Раймонда.

Ну да. Я показала ей средний палец.

– Вау. Ты здесь. Живая и сражающаяся.

Я посмотрела на пустую страницу и помахала ей.

– Ладно. Ладно. Я ухожу.

Когда она понеслась по коридору, я услышала ее смех, предназначавшийся кому-то по телефону. Она смеялась, смеялась и смеялась, и я улыбнулась про себя.

Очевидно, что она не творческий человек.

⁷ Раймонд – главный герой фильма «Человек дождя», страдающий аутизмом.

Октябрь

Тревога обвила мои ноги словно плющом, пробираясь все выше к шее. В некоторые дни кажется, что я не могу дышать. Я все еще посещаю психолога ежедневно, но все курсы, которые, возможно, я перевела на онлайн обучение. Одним из обещаний Мэлори было учиться дважды в неделю в «Старбаксе». Совершать прогулки. Позволить миру приукрасить мою нетронутую, затворническую жизнь.

Найт так и не объявился. Он не ответил ни на одно мое сообщение, интересно, продолжает ли он двигаться дальше, если все, что ему нужно было, это немного свободы от меня.

Я посылаю письмо Эди по электронной почте каждую неделю и каждую неделю получаю ответ, в письмах всегда говорится одно и то же:

Совершай ошибки.

Будь свободной.

Будь решительной.

Считай слово «подросток» глаголом, Луна.

Люблю тебя,

Э.

Такое ощущение, что жизнь просто продолжается без меня, а мой пузырь не просто лопнул...

Его разорвало и размазало мне по лицу.

* * *

Мэлори настояла на том, чтобы я позвала Эйприл на ланч.

Иначе она пообещала доложить родителям, что, несмотря на мои замечательные оценки, я не продвинулась ни на шаг в том направлении, в котором должна была.

Она составила негативный отчет о моем прогрессе, угрожая отправить его Соне, моему постоянному терапевту.

Я пригласила Эйприл в кафе с тако⁸ и заказала все из меню по две позиции. Затем показала фальшивое удостоверение личности, которое притащил Найт в качестве шутки на мой восемнадцатый день рождения, и взяла две маргариты. Я даже попыталась поговорить с ней на языке жестов, потому что обмениваться сообщениями через стол казалось немного странным. Я даже улыбнулась. Мне отчаянно не хотелось возвращаться домой с поджатым хвостом. Так что я просто подделала свое настроение.

Это сработало.

Эйприл шлепнула меня по спине, когда мы уходили из ресторана.

– Ты классная, Раймонд. Кто бы мог подумать? Не я, это уж точно.

⁸ Тако – традиционное блюдо мексиканской кухни. Тако состоит из кукурузной или пшеничной тортильи с разнообразной начинкой.

Я мысленно устала от разговоров. Мне надо просто закрыть глаза и отключиться от мира на месяц или два.

– Эй, кстати, мой друг устраивает вечеринку на следующей неделе... – начала она, и я умоляюще посмотрела на нее.

Я умру, если она пригласит меня туда. Я медленно покачала головой.

Эйприл взорвалась от смеха.

– Эм, нет, мой маленький кузнечик. Перенаправь свои мысли. Мне было интересно, могу ли я дать тебе денег на ликер или пиво.

Я кивнула. Это я могла бы сделать.

Она заулыбалась, в глазах сверкнуло озорство.

– Тебе надо расслабиться. Ты это понимаешь, да?

Я – нет, но люди считают, что без этого мне не прожить.

* * *

Ноябрь

Там был парень.

Реальный парень.

С руками и ногами. Настоящий парень. Который обратил внимание. На меня.

Джош: Вечеринка сегодня?

– Спроси у него, намечается ли вечеринка у него в трусах и можешь ли привести подружку? – Эйприл смотрела на

входящее сообщение на моем телефоне через плечо. – Я бы забралась на Джоша, как на дерево, в попытках спасти тропические леса.

Я засунула телефон в задний карман джинсов и захихикала.

– Пойдем. – Она свесилась на мою половину кровати – у нас была двухэтажная кровать, и, конечно, в первый же день я заняла нижнее место, – отталкивая ее ноги в носках, которыми она болтала в воздухе. – Мы здесь уже несколько месяцев и не ходили *ни на одну* вечеринку. Это самое грустное, что только возможно.

– *Я рада, что тебе никогда не приходилось сталкиваться с реально грустными вещами,* – показала я ей.

В последнее время я много разговариваю на языке жестов. Больше, чем за все время в Тодос-Сантосе. Наконец-то я поняла, почему папа так отчаянно желал, чтобы я поехала сюда.

Это заставило меня вылезти из скорлупы.

Она сломалась, словно стеклянный шарик.

Правда в том, что я *не могу не* общаться жестами. Мне надо покупать продукты. Общаться с людьми вокруг меня. Разговаривать с учителями. *Выживать.*

– *Мне надо доделать домашнее задание,* – соврала я, склоняя голову к «макбуку». Печатная машинка рядом с ним покрылась пылью.

Эйприл со смехом бросила в меня подушку.

– У лжеца штаны горят. Ты блестяще закончила все курсы и завтра утром летишь домой. Тебе ничего не надо делать. Пойдем. Вечеринка. Веселье. Дай Джошу хоть какой-то шанс.

Что-то перевернулось у меня в животе при упоминании имени Джоша. Не потому что мне он не нравился. Как раз наоборот. Он был немой – еще ребенком он получил травму голосовых связок и больше не издал ни звука, – я ощущала странную необходимость защищать нашу нежную дружбу.

Впервые я увидела Джоша три месяца назад в кафетерии около общежития. У него было гладкое, молодое лицо, темная кожа и довольно яркие черты лица. На нем были белые джинсы и толстовка. Стая девушек щебетала вокруг него слишком громко против его комфортной тишины. Наши взгляды встретились через комнату, будто я позвала его по имени. Я крепче прижала книги к груди и выскользнула из кафе.

Я пыталась убедить себя, что он даже не заметил меня, что я просто изголодалась по вниманию без Найта, что я все придумала.

После я начала замечать Джоша повсюду – на лужайке перед кампусом, в местном «Старбаксе», в библиотеке, на трех разных лекциях, в конюшне, где я работала волонтером, это было частью лечебной терапии с животными. Не важно, куда я шла, он был там, пока у нас не появился шанс улыбнуться и поздороваться – не потому что мы узнали друг друга, а по-

тому что было бессмысленно продолжать делать вид, что мы не видимся постоянно тут и там.

Эйприл и ее друзья сохли по нему, так что я легко выяснила его имя и то, что он обучает детей с ограничениями по здоровью верховой езде три раза в неделю. Когда я первый раз увидела, что он общается жестами, мое сердце подпрыгнуло и почти остановилось.

Он не заметил меня, был сосредоточен на общении с Эйприл. Они стояли напротив меня в коридоре, не обращая внимания на мое присутствие. Он был спокоен, с уверенной улыбкой, будто не рассматривал свое молчание как недостаток. У него есть сосед по комнате, Райан, который иногда переводил для него, то же самое Эйприл делала для меня. А иногда он печатал на телефоне то, что хотел сказать. Но он всегда излучал уверенность в себе, казался непобедимым, он вдохновлял меня на мысли, что когда-нибудь и я смогу почувствовать себя так же.

Со всей уверенностью я знала, что наши пути неизбежно пересекутся. Мы вдвоем первокурсники, учимся в маленьком колледже в Северной Каролине, мы вдвоем немые. Мои догадки подтвердились примерно через месяц после того, как я его увидела.

Я торопилась в «Старбакс», пытаюсь спрятаться от мелкого дождика, быстро кинув шарф и пальто на столик около окна, я пошла заказать какао и забрать у баристы Николь расписание, которое Мэлори передала мне, – доказа-

тельство того, что я продолжаю наши занятия. Свои визиты в «Старбакс» я всегда пыталась сделать настолько быстрыми, насколько это было возможно, задерживаясь минут на двадцать и торопясь попасть скорее домой.

Но как только я повернулась к столику, чтобы занять свое место, то увидела Джоша, сидевшего за моим столом с улыбкой, которая может растопить любое сердце. Он был немного взволнованным, но открытым. Мне нравится, что он уверен в себе, но все же не так убежден в своей привлекательности, как Найт.

– *Я невидим?* – Он снял кепку и показал языком жестов, зная, что я пойму его.

Что-то шевельнулось у меня в животе. Не бабочки, конечно, но и не тот пустой гул, который обычно появлялся при виде парней – даже очень привлекательных, – пытающихся заговорить со мной. Я приподняла брови.

Я могу это сделать. Я могу ответить ему. Я могу воспользоваться «подростком» как глаголом.

– *Тебя не было здесь, когда я пришла,* – показала я, выпячивая нижнюю губу.

– *Докажи,* – он бросил вызов, скрещивая руки на груди.

Он высокий и худой, хорошо выглядит. Я спокойно могу представить, как он сопровождает маму в торговом центре или играет в «Иксбокс». Все это делал и Найт, теоретически, но он выглядел слишком неприкасаемым и красивым, чтобы напрягаться.

– *Это смешно*, – показала я.

Пытаюсь не забыть дышать. Я делаю это. Я общаюсь. С незнакомцем. Дух захватывает.

– *Кто сказал?* – спросил он.

– *Я говорю*. – Я почти выдохнула.

– *Уверен, что в этом случае тебе надо что-то доказывать, а не наоборот. Я посещаю юридические курсы.*

– *Тогда где твой напиток? Если бы ты здесь был до меня, то ты должен был что-то заказать.* – Я прикусила губу.

Он поднял брови практически до линии роста волос.

Он показал:

– *Твоя взяла. Я просто увидел возможность заговорить с тобой и пошел на это. Очевидно, мой план провалился.*

– *Ты следил за мной?* – спросила я, немного подшучивая над ним, но не могу отрицать, что испытываю панику, знакомый узел в животе. Я немного не в том настроении.

Не могу выкинуть Найта из своей головы, будто разговор с Джошем это измена, хотя сомневаюсь, что ему есть дело до этого. Я пыталась связаться с ним по «Скайпу» дюжину раз, но с тех пор, как я поступила в колледж, он ни разу не ответил. Пару раз он писал сообщения, и я их перечитывала снова и снова, пытаясь разглядеть скрытый смысл, особенно после того случая на вечеринке у Вона.

Мы никогда не разговаривали о той пощечине. Я была слишком смущена, чтобы начать разговор в те дни, он ходил вокруг да около, выдавая тупые шутки, но избегая реального

разговора.

Найт: Сломал средний палец. Переключаюсь на бег в играх. Убиваю последний шанс на победу. Стал пропускать больше ударов. Давай пока меньше текстовых сообщений. Береги себя.

Найт: Извини, не мог ответить. Надо отдохнуть. Как учеба?

Найт: Опять пропустил твой звонок. Извини.

Луна: Как ты сломал свой палец?

Найт: Мастурбировал.

Найт: Шутка. На тренировке.

Луна: Я скучаю.

Найт: Обнимаю.

Луна: Как Роза?

Найт: Нормально.

Луна: Ты знаешь, как отношусь к этому слову...

Найт: Извини. Хорошо. Роза хорошо.

Иногда я думаю, что хуже: потерять кого-то внезапно, как в авиакатастрофе, или шаг за шагом, как я теряла Найта. Это как ощущать рядом с собой тело в кровати, которое становится все холоднее и холоднее. Холодок пробежал по коже. 50 процентов времени, когда я думаю о нем, меня тошнит.

– *Преследовал!* – Джош вскинул руки, делая вид, что разозлился, чем привлек мое внимание. – *Да, я преследовал тебя. Но немного. И только тогда, когда мы и так постоянно неподалеку друг от друга. Я не знаю, где ты живешь или*

других пугающих подробностей. Но я шел по главной улице, чтобы взять на обед куриный бульон для заболевшего соседа, как вдруг заметил тебя и решил, что это мой шанс.

Я улыбнулась. По-настоящему, впервые за долгое время. Он очаровательный, приятный и *нормальный*. Да. Это мне понравилось в нем больше всего.

– *Луна*, – представилась я и протянула ему руку.

Он пожал ее.

– *Джош. Джошуа. Называй так, как тебе больше нравится.*

Потом он сказал, что ему действительно нужно идти, чтобы отдать соседу суп, иначе тот выгонит его из комнаты.

– *Ты часто здесь бываешь*, – отметил он, надевая кепку.

Не могу этого отрицать, потому что Мэлори контролирует мои визиты сюда, хочу я этого или нет. Я пожала плечами.

– *Не против, если я иногда буду присоединяться к тебе?*

Я снова пожала плечами, борясь с желанием отказать. Вон был прав. Настало время, когда я завожу друзей, связи и жизнь.

После этого Джош начал приходить каждый день, даже если меня там не было. Я знала, потому что мне рассказывал бариста.

В конюшне я иногда видела, как Джош учил детей языку жестов, пока я подметала пол деревянной метлой. Иногда он покупал мне какао и оставлял за дверью, зная, что я слишком стесняюсь, когда мне что-то дарят.

Мы были просто друзьями. Я сразу дала понять, что все еще заиклена на парне из родного города. Джошу я сказала, что Найт мой бывший. Это показалось мне менее жалким, чем просто сказать, что я безответно влюблена в друга детства, который пробирался к топу в «Книге рекордов Гиннеса» за то, что был самым неприятным и одновременно желанным подростком из когда-либо живших на земле.

Я пыталась связаться с Найтом по «Скайпу» еще несколько раз, прежде чем окончательно сдаться. Мы, скорее всего, увидимся на День благодарения, который наши родители обычно проводят вместе, так что нельзя было дальше откладывать разговор, каким бы пугающим он ни был.

Когда я вернулась из долгого путешествия по просторам мыслей, Эйприл откинула голову на мою кровать, стала кататься по ней и стонать имя Джоша, подчеркивая, насколько он горяч.

Так оно и есть. Но он не Найт. Хотя я каждый раз напоминала себе, что, кажется, он продвинулся дальше. Его страница в «Инстаграме» была не активна, но иногда, по ночам, я просматривала страницы всех девушек, на которых он подписан, и находила фото с вечеринок или футбольных матчей. Он выглядел счастливым, но это делало меня несчастливой. А тот факт, что это делало меня несчастливой, делало меня *еще больше* несчастной.

– Не рассказывай мне. – Эйприл села на кровати и сдула фиолетовую прядь со лба. – Ты не хочешь идти, потому что

Джош, наконец, поцелует тебя, и ты потеряешь драгоценное представление о том, что тот идиот из твоего города вернется к тебе.

Эйприл тоже думала, что Найт мой бывший. Ложь становилась все больше, отращая крылья. И чем более зрелой она становится, тем более некомфортно мне было ощущать то, что они с Джошем мои настоящие друзья.

– Отпусти его, Луна. Ты проведешь несколько лет вдали от этого придурка. Все кончено.

Я резко повернулась на стуле и пригвоздила ее взглядом.

– *Все не так*, – показала я.

А может, и так. Но, в любом случае, мне становится дурно от всех этих социальных мероприятий. И все же я знаю, что не буду там одна, так как туда идут Эйприл и Джош.

– Прежде чем ты скажешь «нет» Джошу, я хочу, чтобы ты кое-что знала. – Эйприл вскочила с кровати и подошла к ноутбуку, склоняясь надо мной. – Я не хотела показывать тебе, но, кажется, у меня нет выбора.

Мое сердце подпрыгнуло к горлу. Эйприл наклонилась и ввела ссылку на «Инстаграм» в поисковой строке, открывая знакомую мне страницу. Это была одна из популярных девушек-выпускниц, которая ходила в школу с Найтом, Поппи Асталис. Он никогда не упоминал о ней во время нашей дружбы, но, конечно, мои еженедельные просмотры включали и ее. Она была настоящей английской розой без шипов – такая сладенькая, изящная, с крутой стрижкой. Ее отец –

один из самых известных скульпторов в мире. После того как ее мать умерла, он согласился взять на себя консультативную работу, помог открывать школу искусств в Тодос-Сантосе, вызвав Поппи и ее младшую сестру Ленору из их лондонской резиденции.

Поппи милая и сделана не из той же бархатной, испорченной ткани, как другие богатые девушки из Тодос-Сантоса. Она была добра ко мне все два года, которые мы провели в Школе Всех Святых, и она была отличницей. Она играла на аккордеоне, не ходила на большинство вечеринок, но посещала самые важные и крупные, всегда тащила домой пьяных подруг, прежде чем они сделали бы что-то глупое.

– Может, это вдохновит тебя послать к черту этого козла. – Эйприл открыла новую фотографию Поппи, и мое сердце застряло в горле.

Это идеальная картинка для Pinterest: миниатюрная Поппи стоит на футбольном шлеме Найта, они в пустом поле, ее руки обвивают его шею, они забылись в глубоком, страстном поцелуе. На нем все еще футбольная форма, грязная и потная, и такая живая, что буквально прожигает дыру сквозь экран. Чудесно. Победоносно. Будто Бог спустился с небес. Пятничный закат освещает красивую пару, подчеркивая блестящие, взъерошенные волосы Найта. На заднем фоне опускается ночь, видны пустые трибуны, и пара кажется не чем иным, как королевской семьей.

Читаю подпись под фото:

*Мы победили! # ВсеЕщеОбожаюНастоящийФутбол
НетЭтоНеФутбол # НайтаКоулаВПрезиденты #
МойМойМой*

Ручка, которую я жевала, выпала из моих рук, я наклонилась, чтобы поднять ее, и ударилась головой о край стола. Потеряла равновесие. Я даже не сразу почувствовала свежую рану на голове. Я смущенно потерла ее, ощущая теплую, вязкую жидкость в волосах.

– Господи, Луна! У тебя кровь! Надо срочно пойти к медсестре.

* * *

Медсестра заклеила мне рану, что, конечно, было довольно смешно. Дала мне обезболивающее и попросила быть не такой неуклюжей в следующий раз. Я кивнула – а что мне еще делать? – я размышляла, что довольно глупо просить меня быть менее неуклюжей. Никто *не выбирал*, каким ему быть. Вряд ли это та черта, которую кто-то возвращает намеренно.

Но конечно, я попытаюсь быть менее неуклюжей.

Менее тихой.

Меньше лажать.

Быть более нормальной.

Менее мертвой внутри. Потому что именно так я себя

ощущаю, увидев Найта с другой.

Мне надо выпить. Очень сильно.

У Найта есть девушка. Конечно, есть. *Конечно*. Иначе он не целовал бы ее при всех. Все знают, что горячая школьная элита не показывает своих чувств публично. Да, они прямо как их отцы когда-то – горячие засранцы.

Найт, Вон и Хантер всегда игнорировали представительниц слабого пола как концепцию. Публично, по крайней мере. У Найта не было девушки, никогда. А Поппи будто соткана из любви. Красивая, добрая, сладкая. Вероятно, что она и есть та причина, по которой он перестал мне писать. Господи, какая же я дура, рассказывала ему, как я скучаю, уговаривала отвечать.

Как только мы с Эйприл добрались до комнаты, я сразу взяла телефон и написала Джошу.

Луна: Мне надо выпить.

Ответ пришел еще до того, как я успела положить телефон.

Джош: Это твой ответ на приглашение на вечеринку?

Луна: Ага.

Джош: У меня есть идея получше. Жди меня в конюшне.

Луна:...

Джош:!!!

Луна: Нам не положено находиться там после закрытия.

Джош: Не ты ли говорила мне, что хочешь использовать слово «подросток» в качестве глагола?

Довольно смешно, именно так и было. Я доверяю ему. Не слишком ли безумно то, что я верю незнакомцу? Что, если я обожгусь?

Луна: Я немного опоздаю, но приду.

Я побежала в общую душевую. Мой желудок подпрыгивал, горячие волны проносились по всему телу, а картинка из «Инстаграма», где Поппи целует Найта, засела в голове.

Меня стошнило прямо в душе, но звук воды все заглушил.

* * *

Конюшня находится прямо за главным зданием колледжа, на небольшом зеленом холме, который окружен деревянным забором и с которого видна водонапорная башня. Загон выглядит как обычный дом, с красной крышей и белыми стенами. Он сияет в темноте, когда я направляюсь к нему. Я оставила велосипед и перепрыгнула через забор. Страх тонкой струйкой льется в желудок. Темно, тихо и пустынно.

Я всегда была скромной и стремилась к безопасности, но никогда не была осторожной. Я типичный пацан в юбке. Эди учила меня плавать, кататься на серфе. Папа призывал меня расслабиться и начать рисковать. Он записал меня в школу боевых искусств, чтобы я могла защищать себя, говорил, чтобы я никогда не боялась мальчиков, а я и не боялась.

Я знаю, что отец поддержал бы меня, если бы знал, что я встретила Джоша.

Эди была бы в восторге.

А Найт? Он разозлился бы. Пришел бы в ярость. Почувствовал бы себя преданным. Хотя Джош как раз тот, в ком я так нуждалась. Может, если бы я больше рисковала, встретила бы больше Джошей и Эйприл в своей жизни, то Найт и я были бы сейчас вместе. Но раньше я никогда не встречала таких людей на своем пути, никогда не покидала дом.

Найт хотел, чтобы я была маленькой, его, и я позволяла.

Но не сейчас.

Я устала собирать мелкие кусочки романтических моментов, как разбитое стекло, от быстрых встреч с лучшим другом: неоконченные поцелуи, дружественные объятия, которые длились слишком долго. Его стояк, который прижимался к моей ноге до самого утра перед тем, как я уехала в колледж, пока мы спали вместе. Это был не первый раз, когда я ощутила его эрекцию, но это был первый раз, когда он не пытался ее скрыть. Мы тогда открыли глаза одновременно и смотрели друг на друга, пока его член пульсировал где-то на моем бедре. Он дернулся последний раз, а потом Найт отвернулся от меня с ленивой улыбкой. Потягиваясь. Зевая. Отрицая то, что только что произошло.

Но Джош не такой. У него нет той кучи багажа, который тормозит весь аэропорт.

Я сунула руки в карманы синей толстовки с логотипом Школы Всех Святых (это единственная чистая вещь, которую я нашла) и побежала к конюшне. Я закрыла дверь за со-

бой, наслаждаясь запахом животных, которые поддерживали тепло одним своим дыханием.

В ту минуту, когда я вошла в конюшню, сразу же услышала шелест шагов и дыхание. Джош дал мне знать, что он на месте. Он не может разговаривать, но все равно продолжает находить способы общения со мной. Он стоял с другой стороны конюшни, рядом со стойлом красивого арабского скакуна по имени Оникс. Это был самый молодой конь, который требовал большего ухода, чем все остальные, и заботы каждый раз, когда я убиралась.

Я удивилась, когда бросилась на Джоша и чуть не задушила его своими объятиями. Только когда я оказалась в его руках, то поняла, насколько мне это было нужно, как я жаждала этого после того, как сломалась от простой фотографии.

Я отстранилась и заморгала.

Джош поднял руку с бутылкой ликера.

– Скажи привет свиданию, – усмехнулся он.

– Это оно? Даже не ужин? Сразу к делу? – показала я, улыбаясь.

– На что ты намекаешь? – Его глаза расширились от удивления.

– Ни на что. А ты? – хихикнула я.

Это было весело. Легко.

Он рассмеялся и покачал головой, доставая пачку клюквенного сока и два одноразовых стаканчика. В каждый из них он налил немного алкоголя, а затем сок. Разблокировав

телефон, он включил песни группы Drum Kithead. У вокалиста был такой голос, словно лава текла, Джош с улыбкой покачивал головой в такт музыке, удивительно, но в нем не было ни капли злобы, мы стукнулись стаканами.

– *Мы катаемся сегодня вечером.*

Мне не хочется ему отказывать – не сейчас, когда это единственный человек рядом со мной в такой момент. Я сделала глоток напитка. Это было ужасно, но я проигнорировала огонь, обжигающий мое горло.

– *Без седла*, – добавил он, предлагая чокнуться еще раз. – *Так естественнее и веселее*, – объяснил он.

– *Но я не знаю, как ездить верхом.*

– *Я научу тебя. У тебя все получится.*

– *Откуда ты знаешь?*

Он смотрел на меня таким взглядом, что я не сомневалась, что он видит меня насквозь.

– *Потому что ты всегда катаешься на велосипеде. Ты уже умеешь держать равновесие. Осанку.*

Мы закончили пить и выпустили Оникса. Я знаю, что то, что мы делаем, неправильно, а если владельцы узнают, то Джоша казнят, а меня выгонят с волонтерской практики. Но было очень сложно отказать самим себе, особенно когда мы и так чувствуем себя ограбленными – у нас украдены голоса, способность выражать свои мысли, украдена возможность быть нормальными.

Он посадил меня на коня, а после залез сам, усаживаясь

позади. Джош общался с лошастью нажимом ботинок на бока или постукиваниями по голове. Адреналин мощным потоком пронесся по моим венам. Оникс был огромным, но добрым. Грудь Джоша уперлась мне в спину, когда Оникс поскакал галопом, я услышала беззвучное шипение друга сзади. Пах Джоша ударял меня сзади. Снова, и снова, и снова. Как только толчки прекратились, то началось... трение. Не специально, я думаю. Сглотнув, я попыталась расшифровать свои чувства.

Обида? Нет.

Раздражение? Тоже нет.

Испуг? Отнюдь.

Вместо того чтобы испытать унижение от такого быстрого скачка с первой ступени сразу к третьей, я была... очарована.

Я чувствую себя хорошо. Его. Жар. Твердость. Толчки позади меня. Сначала он пытался подвинуться назад, дать мне пространство. Но когда я качнулась назад и оглянулась на него с улыбкой, он снял все свои запреты и с восхитительным стремлением прижался сильнее. Тепло разгорелось в груди, струясь ниже в живот, взрываясь прямо между ног. Я обнаружила себя еле слышно постанывающей и наклонившейся вперед, попой я прижималась к нему. Мы с Джошем никогда не обсуждали причины моего молчания. Он не знал, что дело не в голосе, а в голове.

Когда мы слезли с Оникса, то оба задыхались. Я ниже натянула толстовку, чтобы прикрыть бедра, я не знала, остался

ли след моего возбуждения на джинсах. Джош повел Оникса в стойло, и когда вернулся, то смотрел вниз, переступая с ноги на ногу. Мне показалось, что я должна как-то извиниться перед лошадью за то, что случилось на ней. Это было не специально... но.

– *Обнимемся?* – спросил Джош, скорее предлагая мир, чем что-то еще.

– *Конечно.* – Я улыбнулась.

Джош сжал меня в объятиях как родитель – отдавая что-то, а не забирая.

– *Чем ты хочешь заняться сейчас?* – Он говорил сердцем через жесты.

Я могу быстро читать Джоша, потому что понимаю его борьбу. Он прекрасен, как открытая книга, в которой я хочу утонуть.

Закрыв глаза, я услышала снова слова Вона. Эди. Папы.
Двигайся вперед.

Используй «молодость» в качестве глагола.

Он счастлив. Будь тоже счастлива.

В моем следующем движении не было угрозы, плохих намерений или чувства мести. Я взяла руку Джоша и прижала ладонью к своей груди, задержав дыхание и мысленно приободряя себя. Мир перевернулся вверх дном, желудок сделал сальто, но я должна признать – я чувствовала себя прекрасно, по-настоящему.

Я приоткрыла один глаз, ноющая боль где-то в задней части головы раскалывала череп. Вздвогнув, я вспомнила Эверклар. Я не была пьяна, так что вряд ли можно винить алкоголь в том, что случилось. Я была относительно трезва, с разбитым сердцем, а Джош был... *Джошем*. Идеальным, безопасным и красивым.

Господи. Что ты делала?

Потирая лицо, я изучала окружающую обстановку. Мои стены, мой стол, моя кровать с темно-синими простынями.

Стоп... *синими?*

Я мгновенно выпрямилась, подавив стон, когда мое тело отреагировало на движение, тошнота прокатилась по горлу. Опять же, это, должно быть, сказывается мой недостаток опыта с любым видом выпивки, в любом количестве. Я бросила взгляд направо – там лежал Джош с голой грудью и мягко сопел. Его рука лежала поверх моих бедер. Взглянув вниз, я увидела, что полностью голая. Я тщательно отсканировала в своей памяти отрывки вчерашней ночи, чтобы сложить их в полную картину. Я вспомнила, как с благоговением наблюдала, как мой сосок исчез во рту Джоша, представляя, как это делает Найт Поппи. Чтобы избавиться от ярости, я притянула Джоша ближе, раздвигая ноги. Его руки на мгновение перестали возиться с моим балахоном, чтобы спросить,

уверена ли я. Я кивнула.

– *Я девственница, но я хочу этого.*

– *Луна ...*

– *Я устала чувствовать себя драгоценностью, Джош.*

Я не желала оставаться наедине со своими мыслями, а Джош был идеальным отвлечением. Мы прокрались в его комнату в общежитии, он снял ботинки и внимательно посмотрел на ноги в носках, будто решаясь на что-то, сражаясь внутри себя.

Он тряхнул головой, усмехнувшись самому себе, и подошел к двери, сняв один носок и повесив его на ручку двери.

Мы начали целоваться. Затем он толкнул меня к кровати, и мы упали на нее, занимаясь другими вещами. Он снова спросил, готова ли я, а я закатила глаза, подавляя легкомысленность и тошноту, которые я ощущала.

Мне хотелось смыть Найта Коула со своего тела после того, что я увидела. Я хотела наполнить себя Джошем. Безопасным, сладким Джошем. Джошем, к которому я вернусь после Дня благодарения. Мы будем кататься на Ониксе, учиться в «Старбаксе» и станем настоящей парой. Нормальной парой. Мне бы никогда не пришлось удивляться, что я с ним.

– *Я воспринимаю все это очень серьезно,* – показал он между нами.

Вдруг я поняла, что тоже все воспринимаю серьезно. Нас. Все стало таким свежим, очевидным и простым. Я не видела, как он целует других девушек, как флиртует с кем-то или

переписывается. Он не был местным футбольным героем, рыцарем, которого желает любая принцесса. Он просто...
Джош.

Когда он первый раз вошел в меня, я зажмурилась и сжала мышцы его плеч. Второй раз мой мозг расплавился, и все, о чем я могла думать – это момент, который мы разделили. В третий раз я была уверена, что переписала свою судьбу, сделав это с ним. Что Найт узнает. Что все, что было между нами, перестало существовать.

И это было болезненно. Как будто я потеряла кусок себя – огромную часть, которая привязывала меня к земле. Но также я почувствовала себя... ожившей, вдохновленной решением, которое я приняла сама. Без Найта, держащего меня за руку. Не ища тихого разрешения в его взгляде.

Когда я вернулась в реальность, в эту незнакомую комнату, с незнакомым парнем, запахом носков, бальзама после бритья и пота, мой взгляд устремился к мусорной корзине около двери. Я убрала одеяло и на носочках прошла к ней, заглянув внутрь – там был завязанный презерватив, со следами крови и белой жидкостью внутри.

Я сделала это. У меня был секс. Здесь я была сексуальной, смелой и *нормальной*. Дома я никогда не заходила настолько далеко. Не с Найтом. Ни с кем.

А затем все осознание обрушилось на меня, я не сделала это с Найтом.

Это должен был быть Найт.

Я закрыла глаза и прошептала «нет» так громко, что Джош услышал бы меня, если бы не спал.

Нет, Найт не нарушит этот момент.

Нет, он не хочет меня. Он хочет Поппи. Красивую, хорошо сложенную Поппи.

Нет, я не могу поверить, что сделала это.

Нет, нет, нет.

Мой телефон завибрировал на прикроватном столике Джоша. Его комната была намного больше моей. У него и Райана даже шкафчик был между столиками.

Пропущенный звонок в «Скайпе» от Найта Коула.

Три новых сообщения от Найта Коула.

Найт: Мой палец уже заживает. Но сердце все еще болит.

Надо поговорить.

Найт: Большие никаких идиотских игр. Время столкнуться с реальностью.

Найт: Не могу дождаться, когда прижму тебя.

О чем он говорит, прижмет меня? Почему это звучит так, будто у него нет девушки? Будто этого поцелуя с Поппи никогда не было? Может, разыгралось мое воображение? Нет, Эйприл тоже это видела.

Я открыла «Инстаграм» Поппи – фото все еще там. Три тысячи лайков, не меньше. Слишком много для школьницы. Хотя у нее около десяти тысяч подписчиков. Ничего не понимаю.

Я нацарапала записку Джошу, в которой говорилось, что

мне надо торопиться на самолет, домой – что не было ложью, – и что я напишу ему, как только приземлюсь, что, как я пообещала себе, тоже не будет ложью.

По пути к своему общежитию я миновала кафе, примыкающее к секции кампуса. Я заметила Райана, спящего за столом, вероятно, потому, что он оставил Джошу комнату на ночь. Я купила круассан и огромную чашку кофе и попросила баристу отдать ему. Потом я съела самый жирный сыр на гриле, когда-либо случившийся в истории хлеба и сыра и выпила литра два воды, чтобы побороть адское похмелье. Пробравшись в общежитие, я сразу же заперлась в душе, не вылезая, пока не убедилась, что мое тело не пахнет ничем, кроме мыла.

Но оно чем-то пахло.

Чем-то, к чему я не испытывала особых чувств.

Кисловатым, острым запахом, от которого я не могла избавиться.

Ошибкой.

Глава 4

Найт

Я поливаю цветы уже минут сорок.

Эти придурки уже и так утонули. Если я буду и дальше таким невнимательным, то мы устроим второй бассейн на заднем дворе.

Вчера весь день шел дождь, и поле во время игры было чертовски грязным. Но ничего из этого не имело значения, потому что сегодня вечером Луна возвращается домой. Я почти час наблюдаю за пустым гаражом Рексротов, надеясь поймать «Теслу» Трента, чтобы успеть заметить Луну, выходящую из машины, и сделать вид: о, как забавно увидеть тебя здесь, ведь это не я ждал тебя весь семестр.

Я никогда не проводил без Луны больше пары недель – даже во время отпуска – и, черт, это была пытка, которую следует применять к обвиняемым в растлении малолетних. Но не видеть ее несколько месяцев? Это дерьмо высосало из меня жизнь.

Когда она выбрала Северную Каролину, это выбило у меня почву под ногами. Я был не готов к такому, первый месяц я был ужасно зол на ее отсутствие.

Как ни странно, все остальные, казалось, были на ее стороне с этой фигней.

Вон просто махнул рукой на ее решение, а мои родители сообщили, что у нее все будет отлично.

Класс.

У нее все будет отлично.

Круто ей.

Нет.

Не для меня, я не был так оптимистичен. Луна мой центр. Мое топливо. Сейчас я живу с пустым баком. Я бы покалечил себя, если бы не мама. Но я не могу этого сделать из-за нее. Так что я просто жил на автопилоте, будто все хорошо, но, как только наступали выходные, я напивался до смерти и глотал все доступные таблетки.

Посмотрите, я сошел с ума.

О'кей, скорее, стал нереально злым.

Луна ушла. Она просто ушла.

Одной жалкой ночью я кончил ей на зад, чтобы показать, что давать мне пощечину некруто, потому что она как Джелли Нелли⁹. А она, мать ее. Ушла.

Как моя биологическая мать.

⁹ Don't Put Your Finger in the Jelly, Nelly! («Не суй свой палец в желе, Нелли») – детская иллюстрированная книга. В каждой странице с изображением вкусных блюд (желе, пирог) прорезана круглая дырочка для пальца. На обратной стороне страницы – сердитое животное. Ребенок сует палец в картинку, взрослый переворачивает ее – и получается, что ребенка за палец хватает краб, крокодил и так далее. Книжка учит детей не совать пальцы в еду.

Как Вал.

Как люди, которых мы ненавидели.

Хорошо, Дэбби Даунер¹⁰, пора заканчивать эту вечеринку жалости, пока полиция веселья не прикрыла тебя.

– Секунду, – крикнул я маме, когда увидел ее лицо сквозь окно на кухне.

Вероятно, она удивлена, что могло меня настолько задержать во дворе. Если хорошо подумать, то мама не звала меня. Виноват. Но сейчас она была там, прислонилась к оконной раме и выглядела прекрасно, в коричневом платье в горошек и с распущенными волосами.

Роза Леблан-Коул предложила мне тыквенный кекс на оранжевом подносе. Я отрицательно покачал головой и выключил шланг.

– Ты какой-то растерянный. – Она окунула палец в кекс и облизала сырое тесто.

Она обожает сырое тесто. Буквально живет ради него. Мне нравится, что она любит мелкие несовершенства. Это заставляет меня верить в то, что она любит меня.

– Да? – Я оторвал взгляд от открытого гаража Рексротов.

Как правило, я не интересовался подобными наблюдениями, а у мамы было больше свободного времени. Я бы ска-

¹⁰ Дэбби Даунер – вымышленный персонаж американского телешоу Saturday Night Live. Ее имя стало мемом – именованием человека, который постоянно вставляет мрачные фразочки в компании, портя настроение всем окружающим. Обычно употребляется в отношении человека, который прерывает разговор, чтобы высказать свое негативное мнение.

зал, что это потому, что я хороший сын.

Но правда в том, что я чувствую себя виноватым. Не из-за того, что я сделал что-то не то, а из-за ситуации с мамой в целом, ощущаю себя неправильно.

– Она должна быть с минуты на минуту. – Мама улыбнулась.

Я порылся в карманах серых спортивных штанов Gucci.

– Блин, мама, кажется, у меня закончились.

– Забавно, выглядишь так, будто у тебя их полно. Иначе почему ты здесь стоишь уже четыре часа?

Сорок минут, четыре часа. Кто вообще считает? Мне уж точно все равно.

– Не ты ли просила меня ухаживать за двориком? Практически умоляла меня.

Но дело в том, что ей не надо было умолять. Плохо это или хорошо, но я поклоняюсь своей маме. Ненавижу людей, которые воспринимают родителей как что-то должное. Мой тринадцатилетний брат Лев не утруждается. Лев – биологический сын мамы и папы. А я – нет. Я совру, если скажу, что это не ранит, я не удивляюсь, что они любят его чуть больше. Что я стал квотербеком команды Школы Всех Святых *просто* потому, что хотел, а не чтобы пойти по стопам отца. Что одежда, репутация хулигана и уничижительная улыбка не попытки быть похожим на папу.

Кстати, который был подающим.

У судьбы своеобразное чувство юмора, потому что я даже

выгляжу как мои приемные родители. У меня такие же зеленые глаза, как у Дина Коула, такие же светло-каштановые волосы, как у Розы Леблан-Коул. Потеря родителей – то, с чем я близко знаком, поскольку моя родная мать отказалась от меня. Так что потеря мамы... что ж. Не та мысль, в направлении которой хотелось бы думать.

– Что насчет Поппи? – Мама приподняла бровь.

Чувак, да мама в курсе всего дерьма.

– А что о ней?

Мои родители приходили на все игры. Как и Лев, который всегда садился с Джейми и Мелоди Фоллоуил, потому что сходил с ума по Бейли, их дочери. Мне не хватало смелости признаться брату, что влюбляться в лучшего друга – хреновая затея. Сродни жизни в тюрьме. Лучше бы я выбрал никогда не знать Луну Рексрот.

– Поцелуй кажется совсем настоящим, – уточнила мама.

Я бросил шланг и направился к ней, в сторону двери.

– Ненавижу разрушать твои теории, но нет. Я практически не знаю Поппи, и, конечно, было бы неплохо дожждаться Луну, но я не собираюсь терпеть, пока эта задница пришлет мне королевское приглашение.

Я заскочил в дом, на ходу снимая одежду и бросая прямо на пол. Не хочу признавать, насколько я слаб, когда дело касается Луны. Я жалок. И нетерпелив. Я пытался перебороть чувства к ней, особенно в течение последних нескольких месяцев. Я не святой, который будет кусать ногти и ждать, пока

мы станем парой.

После душа я завалился на кровать, пытаюсь игнорировать тот факт, что в ее комнате включился свет. Вместо того чтобы подглядывать (это плохо), я проверил электронную почту на телефоне. Там была куча сообщений из нескольких колледжей, которые я рассматривал, – все рядом. Быть с мамой – мой долг. Но это означало попрощаться с футболом в колледже, но в целом это небольшая цена. Я хорош в футболе – даже великолепен, – но мои родители более чем способны оплатить высшее образование, и я не хочу занимать бюджетное место того, кто действительно нуждается в нем. Это не значит, что я не хочу играть в футбол. Хочу. Просто у меня нет желания красть чей-то шанс вырваться из дерьма.

Как приемный ребенок, сорвавший джек-пот с родителями, я знаю кое-что о шансах, особенно когда в них нуждаешься. Но у кармы нездоровое чувство юмора.

– Эй, я знаю, что твоя биологическая мать была куском дерьма, поэтому вот тебе прекрасная мама. Но вот в чем фишка – она временная. Она умрет. Это научит тебя ценить людей!

Да пошла ты, карма.

В жопу. Без смазки. Без плевка. Без всего.

Я провел по экрану, и три сообщения высветились одно за другим.

Поппи Асталис: Так, это немного странно и стыдно, но ... У меня есть купон в кафе с мороженым. Не то чтобы

тебе был нужен купон, чтобы позволить себе мороженое. Я даже не знаю, ешь ли ты сахар, ведь ты такой спортивный и все такое. Но я не хочу, чтобы он сгорел. Ленни занята, папа тоже ... ну, ты знаешь, это же папа. Так что я подумала, может ... О, вау. Это глупо. Прости, что послала тебе это сообщение. ЛОЛ. Действительно. Это глупо. Прости. Но раз ты не будешь его читать все равно, то ... ты мне нравишься. И мне понравилась пятница. Больше, чем должна была. Ок. Пока.

Поппи Асталис: О МОЙ БОГ. ПОЖАЛУЙСТА ПРОИГНОРЬ. МОЯ СЕСТРА ОТПРАВИЛА ЕГО, ПОТОМУ ЧТО СКАЗАЛА, ЧТО МНЕ НУЖНО ОТРАСТИТЬ ЯЙЦА. ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА ПРОИГНОРЬ.

Я вздохнул, сделав себе пометку отшить Поппи настолько мягко, насколько это возможно. Она не сделана из того же материала, что и Арабелла. Она не хотела встречаться со мной ради социального статуса или корыстных целей. Непонятно, что во мне увидела Поппи, но ей это на самом деле нравилось. Это делает ее привлекательной, даже если я считаю ее ненормальной из-за того, что она в восторге от моего безумия, что видит во мне нечто большее, чем просто манипулятора.

Третье сообщение от Луны. Я сделал глубокий вдох и сказал себе, что она просто мой лучший друг, с которым я провел все дни своей жизни, не считая последних нескольких месяцев.

Луна: Когда ты будешь готов?

Этого приглашения было достаточно, чтобы я сразу же натянул кожаные кроссовки Prada и выдвинулся.

Луна глядела сквозь облака, пробиваясь сквозь уходящие лучи заката, и я подумал, что она смотрится очень *уместно*.

* * *

– Как тебе эта бейсбольная бита?

Трент Рексрот открыл дверь, осматривая битку в руках под углом. Угрожать мне тяжелыми предметами было у нас семейной шуткой с тех пор, как стало очевидно, что я очарован Луной.

Они использовали слово «*очарован*», потому что «*сходил с ума*» звучало плохо. Но все знали, что я нахожу «*очаровательными*» куриные крылышки и винтажное порно, но не Луну. С Луной все по-другому. Любовь. Страсть. Одержимость. Выбирайте сами.

Не то чтобы я когда-нибудь говорил ей об этом.

Я уверен, что она в курсе.

Я прощелся в дом Рексротов, игнорируя битку, которой Трент ударял по воображаемым предметам. Мы с ним были приятелями. Он и мой отец, Дин, лучшие друзья. Трент тренировал детскую команду, он привел меня в мир футбола. Я засунул руки в карманы кожаной куртки, надетой поверх толстовки (я не носил толстовки с символикой школы – даже

у капитанов они были ужасно отстойными) и пошел за ним.

– Как твой средний палец? – спросил Трент.

– Все еще работает, сэр. Раз уж мы заговорили о фаллических жестах, папа сказал позвонить ему.

Мы болтаем? Ну да. Но что за хрень? Я и так уже на взводе.

– Твой папа не берет долбаную трубку, – ответил Трент.

Эди, его жена, крикнула откуда-то сверху:

– За языком следи.

Я поднял брови и посмотрел на Трента, и мы оба засмеялись, когда Рэйсер, семилетний брат Луны, ворвался в комнату, тыкая игрушечной машинкой мне прямо в лицо.

– Найт! Посмотри! Посмотри, что моя сестра привезла мне из Аппалачского! Это уже пятая, хотя еще даже не Рождество.

– Это круто, чувак. Твоя сестра классная. – Я взлохматил его кудрявые волосы, посмотрев вопросительно на Трента.

Таких здоровяков, как я, было немного, но Трент был одним из нас. Он указал наверх.

– Удачи.

– Зачем мне удача?

– Она девушка-подросток. Удача не будет лишней.

Я покачал головой, пытаюсь успокоиться. Я в бешенстве. В бешенстве уже четыре месяца, в течение которых мы играли в виртуальные прятки. В бешенстве от пощечины, которая все еще ощущалась на моей коже. В бешенстве из-за поцелуя

с Поппи Асталис. Если Луна узнала, то точно подумает, что я пихаю член во все, что движется.

Я поднялся наверх к комнате Луны, постучал и сразу же открыл, не дожидаясь ответа. Она сидела на кровати с ноутбуком на коленях и смотрела на меня. Такая же, какой я ее запомнил. С идеальными серыми глазами, идеальной смуглой кожей и идеальными губами – слегка неровными зубами, которые превратили ее из просто красивой в захватывающую дух сирену. Улыбка расплылась на моем лице, несмотря на беспорядок в наших, так называемых, отношениях.

– *А что если бы я была не одета?* – показала она с улыбкой.

– Я рассчитывал на это. – Я провел языком с пирсингом по нижней губе.

– *Прости, что разочаровала.*

– Никогда не поздно исправить ситуацию.

– *Ты ужасный.* – Она захихикала и покачала головой.

– Ты хорошая.

– *Что плохого в том, чтобы быть хорошей?*

– Не так просто подкупить.

Тишина.

– Спроси снова.

– *Что плохого в том, чтобы быть хорошей?* – Она закатила глаза.

– Ничего, – быстро ответил я. – В тебе нет ничего плохого, Лунный свет.

В это же мгновение строгое выражение лица Луны растаяло. Она отложила ноутбук на кровать и встала, направляясь ко мне.

Я раскрыл руки, обнял ее и вдохнул запах шампуня, кожи, всего, зажмурился и подумал: *дом*. Как она может казаться домом? Она обмякла в моих руках, и я почувствовал, что она дрожит. Плачет. Когда она отстранилась от меня, ее лицо было искажено от боли, но слез не было. Я нахмурился.

– Что тебя пожирает? Пожалуйста, пусть это буду я.

Она попыталась рассмеяться, но смешок застрял где-то в горле.

– *Мне надо тебе кое-что рассказать.*

– Нам надо. Но девушки вперед.

Я хотел сказать ей: *Тебе надо вернуться. А может, мы попробуем все это дерьмо на расстоянии. Мне все равно. Но ты ударила меня, это что-то значит. Я имею в виду, тебе не все равно.*

Так же я хотел ей сказать: *Я знаю, что ты не поверишь, что это сработает, но не пытаться больше нельзя. Четыре месяца я хотел сказать тебе это, но было странно делать это по «Скайпу». Но сейчас ты здесь, и я не отпущу тебя, пока мы не разберемся со всем.*

А я еще я хотел добавить: *Я целовал другую девушку при всех, но у меня было ощущение, что я изменяю тебе.*

А еще пообещать ей: *Это ничего не значит. Она ничего не значит.*

Лунный Свет постукивала пальцами по бедрам, размышляя над словами, когда вдруг голос Эди прервал повисшую между нами тишину.

– Луна! Можешь спуститься вниз? Папа и Рэйсер уехали проводить Тео в лагерь, а мне нужна твоя помощь с выбором машинки на Рождество для Рэйсера.

Тео – брат Эди. У него аутизм. Все свое время он проводит или в центре развития «Оранжевая страна», или у Рексротов. Луна тусовалась с ним, он ее очень любит, но не выносит меня рядом с ней. Луна извинилась и побежала вниз, оставив меня в комнате.

Я ходил туда-сюда между стенами цвета морской волны. Позади кровати была доска, на которой была разная ерунда. Пара неоконченных списков. Какие-то фотки ее с Рэйсером, Тео, Эди и Трентом. И я. Были фотографии меня. Включая ту, где я облизываю щеку Луны с озорной улыбкой, а она визжит во все горло, мы тогда были на площадке для катания на роликах два года назад. Луна была помешана на том, чтобы не покупать дорогие фотографии, но я купил две копии и вклеил одну в открытку на Рождество. Я отлично помню ее голос, когда она закричала, он до сих пор звучит в моих ушах.

Горловой, смешной, сексуальный и... что ж. Теперь у меня стояк.

Думай о грустном, Найт. Думай о чем-нибудь грустном.

А как тот факт, что я крайне редко слышал Луну? Она

издавала звуки, только когда ей было больно, или от удивления, или когда пугалась. (Это было не часто, может, несколько раз в год.) Видите? Теперь стояк под контролем. Наполовину, но уже хорошо. Я сосредоточился и продолжил изучать доску.

Два билета на благотворительное мероприятие, письма от друзей по переписке со всего мира, фотографии спасенных собак, которых она брала на передержку до устройства в новые семьи.

Я обошел огромную кровать и плюхнулся на нее, заметив, как засветился ее телефон от входящего сообщения. Мне нравится, что у нее появились друзья в новом месте, хоть меня и сводит с ума то, что я не являюсь частью этого мира. Я хочу быть везде. Быть неизбежным, как она для меня.

Дзынь.

Дзынь.

Дзынь.

Дзынь.

Видимо, ее друзья в колледже настойчивые, черт.

С другой стороны, Луна сделала это и с тобой, со своим добрым огромным сердцем и теплой улыбкой. Я взглянул на телефон, зная, что не должен этого делать, но почувствовав, что должен успокоиться.

У Луны не было страниц в социальных сетях. Она посылая письмо по электронной почте раз в неделю, рассказывая, как у нее дела, иногда прикрепляя фотографии со сво-

ей соседкой по комнате, Эйприл. Один раз прислала фотографию черной лошади. Помню, как немного приревновал ее к Ониксу, размышляя над тем, что мне нужна психологическая помощь от моей зависимости. Но как много я на самом деле знаю о ее жизни? Только то, чем она захотела поделиться.

Плюс я не собираюсь открывать эти сообщения. Просто взгляну на экран, телефон останется заблокированным. Все, что мне надо, это сделать экран активным. Побейте меня, если я проведу по экрану пальцем хотя бы миллиметр. Но когда это случилось, мне даже не пришлось ничего делать. Экран вспыхнул от другого входящего сообщения, прежде чем я коснулся его, избавив меня (почти) от чувства вины.

Джош: Это нормально, что я уже скучаю?

Джош: Не могу перестать думать о нашей ночи вместе.

Джош: Спасибо тебе за то, что ты подарила мне самый ценный подарок. Это многое значит для меня.

Джош: В самолете лечу на юг повидаться с родителями. Отправь мне фото стола на День благодарения. Я сделаю такой же. Думаю о тебе. Целую.

Я упал на задницу, хотя уже и так сидел.

Я мечтал, чтобы пол разверзся и меня поглотила тьма. Взгляд скользит по сообщениям снова и снова. Челюсть хрустнула, и я почувствовал крошку на зубах.

Что за хер этот Джош? Откуда он? Я не слышал ни о каком Джоше. Я ведь разговаривал с Эди и Трентом почти

каждый день. Луна подарила ему... Что именно? Свою девственность? Да, бро. По-другому никак. То, что принадлежало мне.

Да, именно так. Все просто и ясно. Он благодарит ее за ночь, проведенную вместе. За *ценный* подарок. Уверен, что это не подарочная карта магазина «Таргет».

Луна переспала с кем-то. С кем-то по имени Джош. Он касался ее, целовал, раздвигал ноги и засовывал пальцы в ее...

Мне надо уйти.

Все и так ясно. Не потому, что мне не хотелось потребовать рассказать всю историю с Джошем, а потому, что я знаю, что я не в том состоянии, чтобы общаться с кем-то, кроме киллера, чтобы приказать ему избавиться от Джоша. *Джош*. Что за херовое имя? *Джош*.

Джошуа.

Господи.

Мать вашу.

Уходи, Найт. Уходи. Иначе я потеряю терпение, и бог знает, что я сотворю. Я никогда не раню Луну физически. Но я не доверяю самому себе, не гарантирую, что не скажу что-то, что убьет ее. Я не доверяю себе, я могу разнести ее дом, разобрать по кирпичикам, разрушить ее жизнь, как она разрушила мою. Но я не могу пойти вниз и сбежать, как какая-то девица в печали. Она не заслужила, она не увидит, как я опустошен, когда, я, наконец, услышал звоночек к про-

буждению.

Дзынь, Дзынь!

– Привет, кто это?

– Реальность. Знаешь что, придурок? Луна не поменялась. Она просто не хочет видеть твою жалкую задницу.

Чувствую себя ничтожным, недочеловеком, недееспособным. Я сделал то, что делал и раньше: открыл окно и убрался подальше.

Слова преследовали меня всю дорогу до моей комнаты.

Скучаю.

Не могу перестать думать о нашей ночи вместе.

Спасибо за самый ценный подарок.

То, что я захлопнул дверь, не помогло. Сообщения просачивались сквозь щели. Я все еще слышу их, они стоят перед глазами. Мой телефон завибрировал.

Луна: Найт?

Луна: Где ты?

Луна: Ты ушел домой? Почему?

Я расхаживал по комнате, запустив пальцы в волосы и сжимая с такой силой, пока не почувствовал, что сейчас вырву с корнем. *Успокойся, идиот, успокойся.* Мое тело ревели от адреналина, и я знал, что как только он уйдет, опустошение займет его место. Но сперва я взорвусь. И я не могу взорваться при ней. Не важно, насколько сильно я сейчас ее ненавижу. Насколько сильно я хочу раздавить ее сердце, как она сделала это с моим.

Несколько минут спустя Луна сложила два плюс два.

Луна: О боже.

Луна: Мне жаль.

Луна: Я не хотела, чтобы ты узнал об этом так.

Луна: Какого хрена ты рылся в моем телефоне?

Узнал? Узнал о чем? О ее парне? Что она сделала шаг вперед? Что она *влюбилась*? Пока я ждал ее, тосковал, мучился в течение восьми лет – с тех пор, как нам исполнилось десять, когда Лилит Бланко послала мне записку с предложением встречаться, а я сказал ей, что между нами никогда не будет ничего серьезного, потому что какая-то часть меня уже принадлежала Луне Рексрот – а *она* трахалась с каким-то чуваком в колледже. Я выключил телефон, запихнул в спортивную сумку и открыл дверь.

– Никаких посетителей, – гавкнул я. – И никаких вопросов.

Папа крикнул мне не кричать. Мама проворчала, что я ее любимый псих и что она рядом, если мне надо поговорить. Лев был в своей комнате через коридор и, вероятно, болтал с Бейли по телефону, выслушивая сраные истории о балете.

Она френдзонит тебя, парень. Так ты и похоронишь свой член. Сломай этот гребаный круг, пока Бейли не нашла себе Джосиа, чтобы ПОТРАХАТЬСЯ.

Кто-то позвонил в дверь, и я услышал, как папа говорит Луне, что я не в настроении.

Как раз наоборот, я еще в каком настроении. Я в таком

настроении, что уже в аду. Было сложно понять реакцию Луны, так как она разговаривает на языке жестов, но папа продолжает говорить ей, что все нормально, что я просто в хреновом настроении и что ей надо насладиться временем в Тодос-Сантосе и не переживать из-за меня.

Царапины превратились в удары.

– Уходи. – Мой голос был настолько хриплым, что я даже я не узнал его.

Я не поворачивался, потому что знаю, что если я сделаю это, то увижу ее лицо, и она вытащит меня из моей ярости. Она отказывала мне три раза, дала пощечину за то, что я тусовался с другими девушками, а потом переспала с каким-то придурком. У меня есть право быть в ярости, и мне надоело быть понимающим, изображать из себя лучшего друга.

Хвала богам, что она не сделала нам браслеты дружбы с единорогами. Я бы носил это дерьмо, чтобы видеть улыбку на ее лице.

– Меня не волнует. Ты немая, милая. Не глухая. Даже если это и не так, да?

Я начал собирать вещи в спортивную сумку, просто чтобы занять руки. Что я скажу? Я не могу сейчас контролировать то, что вылетает из моего рта. Я уже пожалел об этом. Это было низко, не важно, что она сделала. Насколько она могла утверждать, я перетрахал всю лучшую половину города в разных позах, так что я принял это – лицемерие. Но дело в том, что мне все равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.